

А Н О Н И М У С

АНОНИМУС

АНОНИМУС

Дело наследника цесаревича

«СОЮЗ»

2023

АНОНИМУС

Дело наследника цесаревича / АНОНИМУС — «СОЮЗ»,
2023 — (АНОНИМУС)

ISBN 978-5-6048353-0-2

Наши дни. Во Франции жестоко убит бывший российский гражданин. Французские власти подозревают, что дело не обошлось без так называемой русской мафии и хотят привлечь к расследованию специалиста из российского Следственного комитета. Старший следователь СК Орест Волин отправляется в командировку во Францию, захватив с собой очередную порцию дневников Загорского. 1890 год. Наследник русского престола Николай Александрович Романов отправляется в большое восточное путешествие. По плану он должен посетить ряд государств: Грецию, Индию, Египет, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам. Последними в ряду будут Китай и Япония. В феврале 1891 года тайный советник С., патрон Нестора Васильевича Загорского, сообщает Загорскому, что, возможно, в Японии наследнику может грозить опасность. Не исключено, что на жизнь его будет совершено покушение. Поэтому он просит Загорского отправиться в Японию и охранять цесаревича. Загорский, однако, предполагает, что нападение может произойти раньше, еще в Китае. Следовательно, надо успеть попасть в Гонконг до того, как там появится цесаревич. Однако у них остался всего месяц. Как добраться до Гонконга из Петербурга за месяц, если учесть, что Транссибирская магистраль еще только в планах? Дело кажется почти невозможным, но только не для Нестора Васильевича...

ISBN 978-5-6048353-0-2

© АНОНИМУС, 2023

© СОЮЗ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

АНОНИМУС

Дело наследника цесаревича

© текст АНОНИМУС

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Пролог

Старший следователь Волин

Полковник был краток.

– Во Францию поедешь, – сказал он Волину, – в командировку.

Старший следователь удивился – что вдруг? Не то чтобы он не хотел во Францию, напротив, очень хотел. Перед ним, как наяву, возник манящий образ Иришки. Иришка, стоя перед ним в белоснежном нижнем белье, на чем свет ругала русских варваров и сразу после этого, без всяких пауз, заваливала его, Волина, в постель. На таких условиях можно было ехать куда угодно, а не только в Париж.

– Да, Париж, – повторил полковник Щербаков, и глаза его затуманились. – Какие там девушки... Знаком с парижанками?

– Ну, так, – неопределенно пожал плечами Волин. – Кое-что слышал, конечно...

– Слышал он, – хмыкнул полковник. – Их не слышать, их видеть надо. А лучше всего – осязать. Такие, я тебе скажу, фемины – первый сорт. Все в красном кружевном белье, на голове султаны из перьев, ногастые, фигуристые, в шпагат прыгают только так. А как они канкан танцуют, это что-то...

– Канкан? – озадаченно переспросил старший следователь. Ему представилась дикая картина: парижанки, в одном нижнем белье разгуливающие по городу, садящиеся в шпагат и ни с того ни сего вдруг пускающиеся в пляс. Впрочем, тут же лицо его осветилось догадкой, и он сказал понимающе: – Это вы, товарищ полковник, наверное, в «Мулен Руже» были!

– Ну, да, в «Мулен Руже», а где еще мне быть? – фыркнул Щербаков. – Мы мужики, наше место в «Мулен Руже». Мы всего один день в Париже провели, проездом. Нет, можно было, конечно, в музей пойти или там в Собор Парижской богородицы, но времени же не было совсем, понимаешь? Пообедали – и в «Мулен Руж». Или ты считаешь, что надо было в музей пойти?

– Ни в коем случае, – успокоил его Волин. – Вы сделали совершенно правильный выбор. Музей никуда не убежит, а девушки и состариться могут.

– Ну, вот и я так же подумал, – кивнул полковник. – В общем, Париж – это сказка. Но ты в Париж не поедешь...

Манящий образ Иришки развеялся в воздухе.

– То есть как? – спросил Волин. – Почему не поеду?

– Потому что полетишь южнее, на границу Франции и Италии. Там для тебя есть одно дело. С французской стороны границы нашли машину с убитым бизнесменом. Уроженец России, то есть наш с тобой соотечественник. Дело, скажу тебе, крайне запутанное, есть подозрение, что замешана русская мафия. По этой причине французы и попросили нашей помощи. Я бы и сам поехал, но, к сожалению, в языках не силен. Зато ты у нас французским владеешь...

Волин скромно кивнул: не без того, товарищ полковник, французский мы знаем.

– Ну вот, – продолжал полковник. – К тому же и виза у тебя есть. А билет мы тебе уже забронировали, так что отправляйся в Шереметьево – и марш-марш левой. Во Франции в аэропорту тебя встретят французские коллеги.

– А когда рейс? – спросил старший следователь.

Рейс отправлялся в 18:30. Старший следователь озаботился. Времени до отлета оставалось с гулькин нос, а ему еще собраться надо.

– Бедняку собраться – только подпоясаться, – отвечал полковник. – Ты не на курорт едешь, а работать. Взял костюм, смену обуви – остальное на месте купишь. Напоминаю, что

Франция и Италия – мировые лидеры в текстильном производстве. Так что, может, приоденешься еще в модные бренды. На командировочные деньги...

И полковник засмеялся, очень довольный своей шуткой.

В сущности, он был прав, и сборы у Волина заняли всего полчаса. Однако он намеревался еще купить для Иришки какой-нибудь подарок. Непонятно, правда, удастся ли ему в этот раз вообще добраться до Парижа, ну, а вдруг? Вдруг повезет, и неудобно будет прийти к подруге с пустыми руками. Значит, нужен какой-то подарок. Вопрос, какой именно?

Ответ на этот вопрос был не таким уж трудным. Как известно, все женщины обожают французскую косметику и парфюм. Так что можно было не мучиться и купить набор «Виши». Можно было бы, если бы он ехал из Франции в Россию. Но тащить с собой французскую косметику из Москвы в Париж – глупость несусветная!

Старший следователь почесал в затылке: да уж, задачка. А, может, не мучиться и просто купить Иришке тульский пряник? Так сказать, привет с исторической родины. Как там в песне поется? «И родина щедро поила меня березовым соком, березовым соком...» Вот пусть пьет березовый сок и ест тульские пряники, помогает отечественному производителю. Только пряники надо выбрать помягче, а то придется Иришке еще и на дантиста разоряться – зубы-то не казенные. Укусил один раз – и все, готово дело, здравствуйте, господин протезист!

Пока Волин, собираясь, размышлял об иностранных и отечественных производителях, ему позвонил генерал Воронцов.

– Здорово, майор, – голос у генерала был бодрым. – Заезжай в гости, у меня для тебя новая порция дневников Загорского.

Волин поглядел на часы, покачал головой.

– Сергей Сергеевич, – сказал он извиняющимся тоном, – никак не могу, не успеваю. Прямо сейчас во Францию улетаю.

– К зазнобе своей? – закричал генерал.

– Если бы! В командировку, убийство расследовать.

– Хорошее дело, – помолчав, заметил Воронцов. – Давай тогда, покажи международному капиталу, на что способны наши героические следователи. Пусть у них волосы на загривке дыбом встанут от ужаса.

Старший следователь обещал непременно показать международному капиталу, а заодно и всему растленному Западу, как работает наш следственный комитет. И пусть волосы у них станут дыбом не только на загривке, но и на всех возможных местах. И пусть они локти себе кусают от зависти. Пусть удавятся от ужаса на первом же суку. Пусть им пусто будет. Пусть у них по телевизору одна реклама идет...

– Ну, ладно, ладно, – прервал его генерал. – Чего-то ты разошелся. Все-таки наши западные партнеры, а не хрен собачий. Так что пусть живут, но при этом пускай непрерывно трепещут... А насчет мемуаров Загорского давай так поступим – я тебе пришлю на почту, а ты, как вернешься, все и прочитаешь.

Волин на это отвечал, что и возвращаться не надо, он отлично все прочтет с планшета, который берет с собой в поездку.

– Ну, значит, договорились, – сказал генерал и повесил трубку...

Спустя четыре часа старший следователь сидел в комфортабельном «Боинге» в удобном кресле эконо-класса и ждал взлета. Рядом с ним пристроилась мамаша с ребенком лет пяти. Мамаша была, что называется, «бой-баба», в советские времена такие на рынках помидорами торговали. Хмурым взглядом она окидывала окрестности, на лице у нее выражалась неясная угроза. Ребенок, впрочем, был тихий – не кричал, в амбицию не лез, а молча тыкал пальчиком в смартфон.

Самолет вырулил на взлетную полосу, начал разгоняться, потом, дрогнув, оторвался от земли и медленно, но мощно стал подниматься вверх. Волин подумал, насколько все-таки удоб-

нее стало, когда появились самолеты. Вот, скажем, полтора столетия назад как бы он добирался до Франции – на поезде, на воздушном шаре, еще как-то? А тут сел – четыре часа – и ты на месте. Жалко, конечно, что не в Париже. Ну, ничего, авось, еще доберемся до Иришки. Как говорится, будет вам и белка, будет и свисток.

Вздохнув, старший следователь взял в руки планшет, ткнул пальцем в файл «Дело наследника цесаревича», который пару часов назад прислал ему Воронцов, и углубился в чтение.

Глава первая

Водород, метан и аммиак

Холодный ветер дул вдоль набережной Фонтанки, вздымая вверх и закручивая в вихри сухую снежную крупу. Коллежский советник Загорский, стоя в бледном мареве над рекой, нетерпеливо поглядывал в сторону Невы, откуда по Литейному должен был явиться экипаж его шефа, тайного советника С.

Его высокопревосходительство безбожно опаздывал. Это Загорского не удивляло, это было вполне в характере патрона. Однажды, говорят, господин тайный советник заставил ждать самого государя императора Александра Третьего и даже, кажется, не слишком был смущен.

– Дела, ваше императорское величество, – пробурчал он вместо извинений.

Государь, несмотря на вспыльчивый нрав, не устроил тогда даже самой маленькой бури, только сухо кивнул. Самодержец знал, что если Николай Гаврилович говорит о делах, то это дела подлинно государственной важности. Впрочем, тайному советнику многое прощалось – император любил старого дипломата. Во-первых, тот был, что называется, без лести предан, во-вторых, имел в себе нечто медвежье, нечто такое, что отличало и самого императора. Говорят, конечно, что двум медведям в одной берлоге не ужитья, но это, очевидно, относится только к делам лесным. В государственной же политике это очень даже возможно и встречается сплошь и рядом, особенно если один медведь размером помельче и место свое знает.

Вот так и выходило, что патрон Нестора Васильевича не только занимал разные высокие посты, в том числе и в Министерстве иностранных дел, но и пользовался всяческим расположением государя.

Однако он, Загорский, далеко не самодержец – следственно, опоздает его высокопревосходительство не менее чем на полчаса. Это время господин коллежский советник намеревался употребить с максимальной пользой, а именно – немного потренироваться.

Обыватель бы тут, несомненно, удивился. Обычно полагают, что для упражнений нужны особые условия – удобный гимнастический зал или уж, по крайности, специальное снаряжение. В чем мог упражняться чиновник шестого класса на берегах зимней Фонтанки? Катание на коньках, бег на лыжах или, может быть, ныряние в прорубь, сравнивавшее человека разумного с моржом – животным усатым и варварским...

Скажем прямо, в планы коллежского советника не входило ни то, ни другое и ни третье – Загорский намерен был поупражняться в боевых искусствах. Для этого ему не требовался партнер, да и вообще ничего, кроме земли под ногами и зимнего неба над головой.

Теперь, в ожидании патрона, Нестор Васильевич неспешно ходил по набережной туда и сюда. Посторонний человек, несомненно, решил бы, что он просто прогуливается. Однако прогулка эта имела особый характер. Загорский продвигался вперед с некоторым усилием, как бы толкая животом тяжело нагруженную тележку. Таким образом он тренировал область, в которой, по европейским понятиям располагался мочевой пузырь, а по китайским – загадочный даньтянь или, иначе, поле пилюли. Согласно воззрениям китайских даосов, в этом месте собирается таинственная энергия «ци», которую можно употребить в самых разных целях – вплоть до того, чтобы по собственному почину стать бессмертным.

Нестору Васильевичу не исполнилось и сорока, здоровье у него было отменное, так что о бессмертии он пока не беспокоился. Но для боевых искусств сильный даньтянь был очень важен, вот потому и ходил туда и сюда его высокоблагородие, поглядывая время от времени на Литейный – не покажется ли наконец на горизонте выезд патрона.

И выезд действительно оказался. Впрочем, это был не выезд даже – тайный советник не любил ненужной помпы. Это был служебный экипаж Министерства иностранных дел, не имевший на себе никаких опознавательных знаков. Как известно, международная политика – дело даже более секретное, чем политика внутренняя. Именно поэтому дипломаты, на службе столь блистательные, в жизни стараются лишнего внимания к себе не привлекать. Особенно дипломаты, являющиеся хранителями государственных тайн высшего разряда.

– Да, такова наша служба, и ничего уж тут не поделаешь, – согласился Николай Гаврилович, придирчиво осматривая принесенную официантом знаменитую палкинскую форель.

Они сидели в небольшом банкетном зале популярного санкт-петербургского заведения «Палкин». В зал этот для сохранения приватности не пускались сейчас иные посетители. Тайный советник упорно звал палкинские залы «кабинетами», Загорский не спорил: пусть будет кабинет, если его высокопревосходительству так больше нравится.

– Вам не кажется, Нестор Васильевич, что с тех пор, как заведение перешло Соловьеву, здешняя кухня сделалась беднее и хуже?

Коллежский советник пожал плечами. Перед ним стоял суп сен-юбёр и котлеты по-палкински, и блюда эти вполне его удовлетворяли.

– Это все баловство, – нахмурился шеф. – Подлинно здоровую еду нам дает только море. Фрутти ди марэ¹ – вот питание разумного человека. И вы, Нестор Васильевич, тоже рано или поздно обратитесь к рыбе.

Загорский улыбнулся: он ли обратится к рыбе, или рыба обратится к нему – нет сомнений, что рано или поздно они встретятся. Так что же хотел сказать ему Николай Гаврилович за вычетом рыб и прочих обитателей моря?

Такого рода тон, конечно, мог показаться стороннему наблюдателю недопустимо фамильярным. Однако тайный советник и сам предпочитал прямоту и деловитость, так что на подобные мелочи внимания не обращал.

– Как вам, конечно, известно, 23 октября минувшего года его императорское высочество Николай Александрович со свитой отправился в большое восточное путешествие на фрегате «Память Азова», – водянистые глаза тайного советника перестали быть водянистыми и приобрели упругость и жесткость закаленной стали, усы встопорщились, как у бобра.

Загорский кивнул – о восточном вояже наследника цесаревича он знал, как, впрочем, и любой российский подданный, имевший привычку к газетам. Ничего нового в таких путешествиях особ императорской крови не было, на Руси это обыкновение ввел еще Петр Великий. Но если царь-реформатор ездил за границу в первую очередь за знаниями и лишь во вторую – за развлечениями, то преемники его, кажется, всему предпочитали забавы. Однако это их августейшие заботы, при чем тут Загорский?

– По плану цесаревич должен был посетить ряд мест: Турцию, Грецию, Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Бангкок, Сиам... – тайный советник перечислял страны и острова монотонно, словно пономарь на клиросе. – Заключительной частью путешествия станет посещение Китая и Японии.

Он прервался. Загорский выжидательно смотрел на шефа, он знал, что тайный советник без веских причин речей не прерывает. И действительно, причина тут же обнаружилась и была она весьма серьезной.

16 февраля сего года русский посланник в Японии Шевич отправил в министерство депешу о беспорядках в Японии и повсеместном распространении там ксенофобских настроений. Причем неприязнь свою желтолицые сыны Солнца адресовали непосредственно русским. Дело дошло до того, что в ноябре прошлого года японские анархисты напали на русское посольство. Так вот, по мнению Шевича, за прошедшие три месяца ситуация стала гораздо хуже.

---

¹ Frutti di mare (итал.) – дары моря, морепродукты.

– Дмитрий Егорович полагает, что японская чернь может оскорбить наследника или даже покуситься на его жизнь, – продолжал тайный советник, задумчиво постукивая пальцами по столу. – Сделать это тем более легко, что в уголовном уложении Страны восходящего солнца не предусмотрено отдельного наказания за нападение на иностранные миссии и чужеземных августейших особ.

Коллежский советник кивнул: такое положение вещей его не удивляло. Неприязнь к иностранцам была в крови у японцев, да и у китайцев тоже. Выражения этой неприязни сдерживались только текущей политикой государства, которая то подогревала ее, то немного остужала – смотря по обстоятельствам.

Впрочем, это все были общие рассуждения. На практике письмо Шевича означало, что любой японский крестьянин вполне может попытаться оскорбить или даже убить русского цесаревича. При этом японские массы, скорее всего, встретят подобный эксцесс весьма сочувственно.

– Так что вы на это скажете? – нетерпеливо спросил его высокопревосходительство, который внимательно наблюдал за выражением лица собеседника.

– Скажу, что надо отменить японскую часть путешествия, – не задумываясь, отвечал Нестор Васильевич. – Учитывая все вышеизложенное, это может быть слишком опасно.

– Никак невозможно, – вздохнув, отвечал тайный советник. – Во-первых, японцы ждут цесаревича, они сочтут отказ за пренебрежение. Будет страшная обида и дипломатический скандал. Во-вторых, сам наследник ни за что не согласится. То есть, собственно, уже не согласился.

Коллежский советник тоже вздохнул: монаршая жестокость была ему хорошо известна.

– А что на этот счет говорят сами японцы?

Николай Гаврилович как-то странно закричал.

– Что говорят? Ну... министр иностранных дел Аоки Сюдзо гарантирует цесаревичу полную безопасность.

Загорский усмехнулся: ах вот как, гарантирует! Но, случись чего, убивать цесаревича будет не министр, а простые японцы.

– Типун вам на язык, – тайный советник сердито посмотрел на собеседника.

С минуту они сидели молча, каждый думал о чем-то своем. Патрон ковырял форель вилок, но так и не донес до рта ни одного куска.

– Разумеется, его императорское высочество будет окружен свитой, в том числе офицерами охраны, – тут Николай Гаврилович поморщился, как от зубной боли. – Однако, учитывая вероломство азиатов и эти их варварские боевые искусства, обычная охрана вряд ли сможет обеспечить наследнику полную безопасность. Другое дело – вы, Нестор Васильевич. Вы, так сказать, до тонкостей изучили их тайные убийственные науки. Если кто и сможет обезопасить жизнь наследника, то это именно вы.

– Иными словами, вы предлагаете мне командировку в Японию?

Тайный советник молча кивнул в ответ.

– Но я не владею японским, – заметил Нестор Васильевич.

Патрон отвечал, что это не страшно – русский посланник даст ему в помощь кого-нибудь из своих драгоманов². Кроме того, Загорский ведь понимает иероглифы, а они, насколько ему известно, одинаковы у китайцев и японцев.

– Ну, не все так просто, – покачал головой коллежский советник, – а, впрочем, это действительно не так уж важно.

---

² Драгоман – переводчик при посольствах на Востоке. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции.

– Вы, наверное, возьмете с собой своего Газолина? – спросил его высокопревосходительство.

Нестор Васильевич покачал головой: везти китайца в Японию – плохая идея. Он будет привлекать к себе лишнее внимание. Да и японцы жителей Поднебесной недолюбливают.

– Они что же, с ходу отличат японца от китайца? – заинтересовался тайный советник.

Еще как отличат, отвечал Загорский. Это только на европейский взгляд все азиаты одинаковы. Даже китайцы разных провинций отличаются друг от друга очень сильно. Похоже было, что коллежский советник готов прочесть лекцию на эту тему, но он все-таки нашел в себе силы прерваться и спросил, когда именно цесаревич прибудет в Японию.

– В середине апреля, – отвечал Николай Гаврилович. – У вас, таким образом, будет два месяца, чтобы добраться до места и осмотреться.

Загорский нахмурился и неожиданно поинтересовался, когда фрегат «Память Азова» окажется в Китае. Тайный советник удивился: при чем тут Китай?

– При том, – веско отвечал Нестор Васильевич, – что Китай и Япония слишком близки. На мой взгляд, наследник в Китае подвергается не меньшему риску. Одно дело, если речь – о сумасшедшем одиночке. Но что если на цесаревича объявит охоту какая-нибудь организация или тайное общество? В этом случае им гораздо удобнее будет убить его императорское высочество в Китае, а не в Японии.

– Зачем японцам убивать наследника в Китае? – удивился Николай Гаврилович.

– Чтобы поссорить Поднебесную и Российскую империю. Согласно Тяньцзиньскому договору 1885 года, над Кореей установлен совместный японо-китайский протекторат. Такое положение не устраивает ни китайцев, ни тем паче японцев. Если удастся науськать Россию на Китай, Япония будет делать в Корее, что ей заблагорассудится. Вот зачем нужно убить цесаревича в Китае.

Тут уже пришел черед нахмуриться его высокопревосходительству. Насколько он помнит, приход фрегата «Памяти Азова» в Гонконг планировался в последнюю неделю марта.

– Однако! – сказал Загорский. – У меня всего месяц, чтобы добраться до южного Китая. И как, скажите, я смогу это сделать? Сибирскую железную дорогу еще даже не заложили. Это значит, что по железной дороге дальше Самарканда я не доберусь. А что потом? Тысячи верст по горам и пустыням?

Патрон покачал головой: нет, на железные дороги рассчитывать нельзя, у них тут не Британия.

– Тогда как? Морем?

Николай Гаврилович задумался. Северо-восточный проход закрыт льдами, а значит, исключен. Впрочем, там и летом добираться не один месяц. Если идти путем, каким проплыл фрегат цесаревича, через южные моря и Индийский океан, это займет слишком много времени. На лошадях через почтовые станции? Но это едва ли больше двухсот верст в сутки – то есть слишком медленно. За два месяца не мытьем так катаньем Загорский добрался бы до Гонконга. Однако у них в запасе чуть больше месяца, и это значит, что они никак не успевают ко времени.

Николай Гаврилович хмурился и постукивал пальцами по столу: положение казалось безвыходным. Внезапно глаза у тайного советника загорелись.

– Любезный Нестор Васильевич, а что вам известно об аэростатах?

* * *

Загорский с любопытством оглядывал раскинувшееся перед ним Волково поле. Пустынное, покрытое, словно саваном, белым снегом, оно, казалось, таило в себе какую-то пугающую

тайну. Зимний ветер холодил щеки, и чудилось, что перед тобой не предместья Санкт-Петербурга, а просторы Северного полюса.

– Так, значит, Учебно-воздухоплавательный парк? – переспросил коллежский советник одобрительно. – Интересно, очень интересно.

– Это, господа, только начало! – поручик Кованько, горбоносый черноглазый красавец в коричневом кожаном шлеме, говорил с необыкновенным воодушевлением. – Через год планируем выпустить десять воздухоплавателей из нашего офицерского класса. В ближайшее время будут сформированы новые отделения парка по всей России...

– Скажите, поручик, с какой скоростью может лететь воздушный шар? – не слишком вежливо перебил его Нестор Васильевич.

Кованько посмотрел на него с легким неудовольствием, но все же ответил. Скорость аэростата, разумеется, зависит от силы ветра. А сила ветра зависит от разных факторов, в том числе и от высоты полета. Невысоко над землей шар обычно летит со скоростью пять-десять узлов³, повыше – доходит и до двадцати. На высоте нескольких верст дуют уже по-настоящему сильные ветры, позволяющие развивать скорость быстрее шестидесяти узлов. Однако тут есть заковка: выше трех верст человеку подниматься не рекомендуется – там чувствуется недостаток кислорода, не говоря уже про сильный холод.

– Значит, на высоте до трех верст вполне можно рассчитывать узлов на двадцать... – задумчиво проговорил Загорский. – А как быть с управлением? Ведь ваши аэростаты мотора не имеют, а значит, куда ветер подул, туда и летят.

Кованько заметил, что это весьма распространенное заблуждение среди штатских, далеких от воздухоплавания. На самом деле в атмосфере нет единого ветра, дующего в определенном направлении. На разных высотах дуют разные ветры, и воздухоплаватель почти всегда может поймать нужный, надо только подобрать правильную высоту. Это нелегко и требует определенного мастерства, но вполне достижимо.

– Таким образом, – подхватил тайный советник, стоявший рядом с Загорским, – идею нашу вполне можно осуществить?

Поручик, однако, только улыбнулся в ответ. Восемь тысяч верст на воздушном шаре? Помилюйте, ваше высокопревосходительство, но это будет утопия почище Томаса Мора.

– Так уж и утопия? – прищурился Николай Гаврилович. – Если мне память не изменяет, несколько лет назад вы с вашими орлами пролетели больше полутораста верст между Волковым полем и Великим Новгородом.

– Даже сравнивать невозможно, – отвечал Кованько. – Одно дело – несколько часов в воздухе, и совсем другое – многие тысячи верст.

– А в чем же разница?

Разница оказалась весьма существенной. Монгольфьеры требуют постоянной работы горелок, горючее быстро кончается. Это значит, придется регулярно опускаться, забирать баллоны с горючим, снова взлетать и так без конца, что, конечно, сильно затормозит полет. Но дело даже не в этом.

– А в чем? – любопытствовал Загорский.

Дело в том, что далеко не везде на российских просторах, не говоря уже о Китае, можно будет найти это самое горючее. Нестор Васильевич вынужден был согласиться, что сие вполне соответствует истине.

– Голубчик, Александр Матвеевич, – взмолился тайный советник, – мы кровь из носу обязаны добраться за месяц до места. Дело государственной важности. Придумайте же что-нибудь... А я уж в долгу не останусь.

---

³ Узел – мера скорости, одна морская миля за час. Так, скорость в десять узлов означает, что в час объект проходит 18 километров 520 метров.

Кованько нахмурился и стал чесать свой горбатый нос. Чесал он его, наверное, с полминуты, не меньше.

– Уж и не знаю, – наконец проговорил он с величайшим сомнением. – Разве что розьер попробовать?

Патрон уставился на него с надеждой: что за розьер такой? Кованько объяснил, что все аэростаты делятся на три категории. Первая – это монгольфьеры, они летают от нагнетения в шар горячего воздуха. Вторые – шарльеры, они наполняются каким-нибудь летучим газом, например, водородом или метаном. Такой газ не требует горючего, и лететь может очень долго. Однако им почти невозможно управлять, то есть поднимать и опускать его в воздушных слоях, как монгольфьер, и тем самым ловить попутный ветер. Но есть третья разновидность аэростатов – розьер. У него две камеры, две оболочки. В верхнюю закачан газ, обеспечивающий шару летучесть, а в нижнюю идет горячий воздух из горелки, установленной прямо под нижней камерой. Благодаря этому можно менять высоту и ловить попутный ветер. Для дальних полетов – идеальный вариант, но...

– Что – но? – Николай Гаврилович пожирал поручика глазами. – Какое еще там «но»?

«Но» оказалось очень серьезным. Все доступные для закачивания в розьер газы были либо ядовиты, либо взрывчаты и огнеопасны.

– Иными словами, воздухоплаватель на розьере рискует либо отравиться, либо взорваться? – подытожил Нестор Васильевич.

– Рискует, – развел руками Кованько. – Хотя при умелом обращении с горелкой шансы на благополучное завершение полета имеются.

Тайный советник торжествующе поднял палец вверх: шансы имеются! И, судя по тому, что розьер используется в воздухоплавании, шансы эти очень велики.

– Увы, ваше высокопревосходительство, не используются, – вздохнул поручик. – После того, как первый розьер с его создателем потерпел крушение, на розьерах больше не летают. Это признано слишком рискованным.

На патрона было жалко смотреть. Он, только что исполненный надежды и воодушевления, увял, словно аэростат, из которого выпустили воздух.

– А все-таки попробовать можно, – внезапно сказал Загорский. – Только нужно покрыть верхнюю камеру изолирующим составом и правильно выбрать газ. Нам нужны газы с низкой молекулярной массой. Александр Матвеевич, какие из них нам доступны?

– Водород, метан и аммиак, – отвечал Кованько.

– Водород имеет большую подъемную силу и безвреден для человека, однако взрывоопасен, – размышлял Загорский. – Метан почти не ядовит, дешев, но тоже весьма горюч. И, наконец, аммиак. Тоже недорог, почти не горюч, но довольно ядовит. Что бы выбрали вы, Николай Гаврилович?

И он посмотрел на патрона. В глазах того блеснула надежда.

– Что ж, – сказал он задумчиво. – Я бы, пожалуй, выбрал аммиак...

– А если оболочка будет нарушена и газ пойдет наружу? – любопытствовал Загорский.

Тайный советник отвечал, что на этот случай надо иметь на борту фильтрующие маски Стенхауза. Аммиак очень вонюч, и если что-то случится, у воздухоплавателя всегда будет время защититься, после чего он сможет спустить аэростат на землю.

Поразмыслив, Кованько согласился, что в таком подходе есть свой резон.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы соорудить розьер? – спросил Загорский.

Кованько что-то прикинул в уме и отвечал, что на основе имеющихся материалов они смогут сделать это дня за три. Вот только, сказал поручик, все предприятие потребует разрешения вышестоящего начальства и серьезных финансовых вложений.

– На этот счет не беспокойтесь, – с легким облегчением проговорил тайный советник. – Разрешения и финансы – это уж моя забота. Главное, чтобы Нестор Васильевич долетел в Китай ко времени...

Глава вторая

Восемь тысяч верст пустоты

Кованько не обманул: спустя три дня розьер был готов к полету.

Загорский вместе с тайным советником снова стояли на Волковом поле и созерцали висящий прямо над землей огромный шар бледно-синего цвета. Аэростат был отдаленно похож на вставшего на хвост огромного пузатого кита. Сходство усиливала пассажирская корзина или, иначе, гондола, стоявшая под ним на земле. Кита, очевидно, поймали рыбацким неводом – именно поэтому тело его было покрыто сетью из шелкового шнура, связанного в виде петель. Внизу петли спускались с шара отдельными нитями, которые привязывались к подвешенному кольцу. К этому же кольцу крепились стропы пассажирской корзины, якорь и балластный канат – гайдроп. Возле корзины сустились несколько фигур – это были подчиненные поручика Кованько.

– Александр Матвеевич выделил вам для полета двух опытных воздухоплавателей, – сказал его высокопревосходительство. – Надо бы трех, но каждый человек увеличивает вес и сокращает дальность беспосадочного полета. Так что придется вам поработать самому и выполнять на шаре обязанности юнги.

Загорский молча кивнул. Подошел Кованько, побледневшее на холоде лицо его было возбужденным.

– Ну, господин полковник, – сказал он, обращаясь к Нестору Васильевичу, – все сделали, как вы просили. Признаться, я до сих пор не очень-то верю в успех вашего предприятия, но если получится, это будет исторический прорыв в воздухоплавании. Даже если вы не все восемь тысяч верст пролетите, а хотя бы тысячу – уже станет необыкновенной удачей.

– Ну, у меня выбора все равно нет, – отвечал Загорский, – мне долететь нужно. Тут уж или пан или пропал.

Кованько разъяснил, что оболочка с аммиаком дает аэростату возможность висеть в воздухе сколько угодно. Горелку же они будут использовать только для взлета, приземления и перемещения в атмосфере в поисках попутного ветра.

– Главное, не повредить оболочку с газом, – закончил свою речь поручик. – Будем надеяться, что наши русские помещики не откроют на вас охоту и не начнут сдуру палить в шар.

– Пусть палят, – беспечно отвечал Нестор Васильевич, – нет у помещиков такого ружья, чтобы на полторы версты вверх добивать. Меня больше волнует, как бы наши доблестные войска не приняли нас за шпионов и не открыли артиллерийскую стрельбу.

Оказалось, его высокопревосходительство уже обо всем позаботился: отправил нужные телеграммы командующим всех военных округов.

– Ну, значит, и волноваться не о чем, – кивнул Загорский и поглядел на Кованько. – Александр Матвеевич, не пора ли на борт?

– Прошу, – сказал поручик.

Они проследовали к аэростату. В нем уже зябко переминались два нижних чина, с которыми коллежский советник должен был совершить исторический полет.

– Подпрапорщик Маковецкий, – представил их Кованько, – фельдфебель Алабин.

Унтеры синхронно отдали Загорскому честь. Нестор Васильевич улыбнулся и кивнул каждому отдельно. Делать это приходилось немного снизу вверх, потому что оба нижних чина, не дожидаясь Загорского, залезли в корзину.

– Техника безопасности, – объяснил Кованько. – Инструкторы поднимаются на борт первыми. Если вдруг шар унесет порывом ветра, они знают что делать, а вы – нет. Поэтому пассажир оказывается в аэростате последним.

Нестор Васильевич пожал руку поручику, обнялся напоследок с тайным советником. Тот глядел на Загорского с плохо скрытой тревогой. Коллежский советник, заметив это, ободряюще улыбнулся.

– Не бойтесь, Николай Гаврилович, – сказал он. – Все будет хорошо, вы же знаете, я счастливчик.

– Вашими бы устами да мед пить, – проворчал его высокопревосходительство. Однако, когда Загорский полез в корзину, быстро, словно стыдясь, перекрестил его в спину.

– С Богом! – крикнул Кованько.

Фельдфебель на шаре включил горелку, и горячий воздух стал быстро поступать в нижнюю камеру аэростата. Шар начал округляться, теряя китовые очертания, потянул вверх, стропы, удерживавшие его, задрожали, как струны. По знаку поручика обслуга на земле отпустила стропы, и аэростат плавно взмыл в бледное зимнее небо. Время от времени фельдфебель выпускал из горелки струю пламени, и шар начинал подниматься быстрее.

Покрытая снегом земля у них под ногами уходила все дальше вниз, стало видно во все стороны света. Загорский оглянулся, но его не привлекли представившиеся его взгляду с высоты птичьего полета Исаакий, шпиль Адмиралтейства и другие красоты Санкт-Петербурга. Напротив, лицо коллежского советника сделалось озабоченным.

– Не в ту сторону летим, – заметил он. – Нам надо на юго-восток, а мы к северу поворачиваем.

Сивоусый фельдфебель Алабин отвлекся от горелки и сказал успокаивающе:

– Не волнуйтесь, ваше высокоблагородие, это пока. Сейчас повыше поднимемся, а там уж нужный ветер поймает.

И действительно, спустя минут двадцать, то поднимаясь, то чуть опускаясь, им удалось поймать северо-западный ветер, и шар неторопливо, но решительно двинулся в нужную сторону. Загорский повеселел и с удовольствием посмотрел на своих спутников.

– Ну что ж, господа, – сказал он, – пожалуй, пришло время познакомиться поближе. Меня зовут Нестор Васильевич Загорский, на мне чин коллежского советника, по военной иерархии соответствующий пехотному полковнику. Не возражаю, если вы будете обращаться ко мне просто по имени-отчеству. А как прикажете величать вас?

Старший по чину, но младший по возрасту подпрапорщик Маковецкий оказался Гавриилом Романовичем, а фельдфебель Алабин – Семен Семенычем. Оба унтер-офицера, как сказал бы немецкий философ Гегель, являли собой борьбу и единство противоположностей. Маковецкому едва ли было больше двадцати пяти, он был высок, худ и по-младенчески розовощек, из-под теплого кожаного шлема на лоб выбивались светлые кудри. Алабин, напротив, казался словно выструганным из единого куска дерева – невысокий, кряжистый и, очевидно, очень сильный физически. Он уже начал седесть, и усы его приобрели еще не белый, но какой-то сивый оттенок.

Загорский осмотрелся. Корзину им дали просторную, примерно сажень⁴ в длину и столько же в ширину. Кроме того, внутри по бокам имелись две лавки для отдыха.

– Учитывая дальность перелета, необходимо было предусмотреть длительную рекреацию, – мальчишески тонким голосом отпартовал Маковецкий.

– Ага, – сказал Нестор Васильевич, – но отчего же лавок только две, нас ведь трое?

– Кто-то все время должен стоять на вахте, следить за ветром и высотой, – объяснил Маковецкий.

– Логично, – кивнул Загорский.

---

⁴ Сажень – русская мера длины, примерно 2,13 метра.

Под лавками скрывался запас теплой одежды для всех воздухоплателей, олени унты, спальные мешки из верблюжьей шерсти, горшок для физиологических отправлений, бак с водой и балластные мешки с песком.

– Это для корректировки высоты, – объяснил Кованько. – Нужно будет спуститься к земле или сесть – выпустите газ. Захотите набрать высоту – сбросите балласт.

Кроме того, на борту имелись термометр, барометр, компас и секстант. В отдельном сундуке лежали фильтрующие маски Стенхауза, в армейских ранцах – офицерские пайки на месяц.

– Даст Бог, долетим быстрее, но своя ноша – она ведь не тянет, – солидно заметил фельдфебель Алабин.

Нестор Васильевич согласился, но несколько озабоченно заметил, что воды, кажется, будет недостаточно, даже если они полетят быстро. К тому же вода нужна не только для питья, но и для гигиенических надобностей.

– Это ничего, – успокоительно сказал Алабин, – воды мы добудем, не спускаясь на землю.

– Как же это? – заинтересовался Загорский. – Неужели будем собирать снег и растапливать?

Но фельдфебель только головой покачал загадочно: господин полковник все увидит в свое время.

Кроме всего вышеописанного, в вещевом мешке подпрапорщика обнаружили три револьвера «Смит-Вессон». Маковецкий заметил, что Китай – земля чужая, и нельзя совсем без оружия. В противном случае выходят они как голые перед лицом возможного врага.

– Ну, в Китае врага еще надо поискать, а, впрочем, пусть будет, – решил Загорский. – Оружие никогда не помешает, а применять его или нет – это уже наше дело.

И он снова с любопытством обратился к пейзажам, которые медленно проплывали у них под ногами. Аэростат уже миновал петербургские окрестности и двигался в сторону Нижнего Новгорода. По расчетам Загорского, Москва должна была остаться от них по правую руку. Впрочем, до этого было еще очень далеко, пожалуй, не меньше суток.

Ветер дул ровно и сильно. Фельдфебель Алабин на глаз прикинул скорость и сообщил, что в час они делают верст по двадцать пять – тридцать. Нестор Васильевич понимал, что по прямой лететь все равно не удастся, нужно будет обогнуть Алтай и высокие горы Синьцзяна. То есть вместо семи тысяч верст по прямой их ждало, наверное, тысяч восемь-девять. Если бы все время удавалось держать нынешнюю скорость, на месте они могли бы оказаться за пару недель. Но это, разумеется, в идеале. Что будет в реальности, знает один Бог.

С этим был согласен и Алабин.

– Где наберем, а где и потеряем, – говорил он степенно, краем глаза поглядывая на простершиеся внизу бесконечные серо-зеленые смешанные леса, перемежаемые белыми от снега скатертями пахотных земель. – Хорошо, что зимой летим, зимой грозы редко случаются. Для воздушного шара хуже грозы ничего нет. Болтанка такая, что запросто может из корзины выкинуть. Не говоря уже про молнии. Летишь, как на ладони у черта, всякий заряд в тебя норовит. Но сейчас, слава тебе, Господи, зима, и гроз быть не должно.

Загорский подумал, что в Китае весна уже началась и там-то как раз их могут застигнуть и грозы, и молнии, но распространяться об этом, понятное дело, не стал.

Подпрапорщик, впрочем, не разделял пессимизма своего подчиненного. К путешествию он отнесся с мальчишеским восторгом.

– Это, господин полковник, все равно как открытие Америки, – говорил он, – только Америка эта не наземная, а воздушная. Даст Бог, полет наш откроет путь для постоянного пассажирского сообщения между континентами. Это особенно важно в тех местах, где еще не проложены железнодорожные пути и нет хороших дорог. То, на что раньше требовались недели и месяцы, сейчас будет преодолеваться за считанные дни.

Нестор Васильевич усмехнулся. Вozить людей с места на место аэростатами? Идея, конечно, богатая, вот только понравится ли такое пассажирам? Холодно, страшно, неудобно. Вдобавок – открыты всем ветрам. И так лететь по несколько дней, а то и неделями? Многие ли выдержат?

Маковецкий, однако, был полон оптимизма. Он заявил, что условия полета можно изменить. Слышал ли Нестор Васильевич про дирижабли? Это, в сущности, такой же розьер, на котором они летят, только его можно делать гораздо больше и гондолу к нему прицеплять огромную. В этой-то гондole можно устроить для пассажиров вполне комфортное существование. Но главное отличие дирижабля от обычного аэростата состоит в том, что он не зависит от ветра. На дирижабле стоит электрический двигатель, который приводит в движение воздушный винт. И вот этот-то винт и дает дирижаблю абсолютную свободу. Семь лет назад меcье Шарль Ренар совершил управляемый свободный полет на военном дирижабле «Ля Франс». Длина дирижабля была больше 170 футов, мощность мотора – восемь с половиной лошадиных сил.

Коллежский советник полюбопытствовал, с какой же скоростью летело это чудо?

– За 23 минуты было покрыто расстояние в 8 верст, – голос подпрапорщика был исполнен такой гордости, как будто это он сам, своими руками смастерил дирижабль и летал на нем в небеси, яко ангел.

Загорский быстро прикинул скорость. Получалось не слишком быстро, примерно то же самое, что и их собственный аэростат.

– Да, но это лишь начало! – возразил Маковецкий. – Двигатели будут совершенствоваться, а дирижабли – ускоряться. И уже очень скоро, я уверен, небеса заполнятся дирижаблями, с огромной скоростью переносщими пассажиров в самые отдаленные уголки земли, в том числе и такие, куда не ступала нога человека!

Нестор Васильевич улыбнулся – ему нравился энтузиазм подпрапорщика. Он поглядел на фельдфебеля, который смирно сидел на скамейке и смотрел прямо перед собой, в пустые бледные небеса. Что, интересно, думает на этот счет любезнейший Семен Семенович?

– Я думаю, что пора бы одеться потеплее, – отвечал тот.

И действительно, когда они взлетали, внизу температура была минус пять по Реомюру. Однако шар поднялся уже выше двух тысяч саженей и, если верить бортовому термометру, вокруг стоял двадцатиградусный мороз. Впрочем, это было ясно и без термометра, по одним только ощущениям.

Нестор Васильевич ознакомил своих спутников с китайской концепцией согревания. Суть ее состояла в том, что надевать нужно не одну большую теплую шубу, как принято в России, а много разных одежек одна на другую. С точки зрения физики такая концепция выглядела вполне корректно. Между слоями одежды скапливался воздух и оказывал изолирующее воздействие, то есть не допускал холода к телу.

Не смея перечить старшему по званию, унтер-офицеры напялили на себя разные кофты и фуфайки, сменили ботинки на унты и действительно очень быстро согрелись, несмотря на мороз и чувствительный ветер. По счастью, кроме фильтрующих масок Стенхауза предусмотрительный поручик Кованько приберег для них обычные тканевые маски, из числа тех, которые используются на Крайнем Севере. Воздухоплаватели надели их на лицо и чувствовали себя теперь вполне сносно.

– Однако, если ночью будем замерзать, – сказал Загорский, – придется все-таки спуститься пониже.

Алабин торжественно объявил, что на крайний случай припас он фляжку с водкой. Однако заявление это вызвало у коллежского советника неожиданное противодействие.

– Водка для такого случая не годится, – сказал он строго.

Маковецкий удивился: как, то есть, не годится? Замерзших всегда растирали спиртом и отпаивали водкой. Загорский отвечал, что водка действенна, только если человека уже перенесли в теплое помещение, или это можно сделать в ближайшее время. А вот выпить водки и остаться на морозе – верный путь к переохлаждению. Он хотел добавить что-то еще, но тут Алабин перебил его.

– Это что такое? – проговорил он, указывая рукой за спину Нестора Васильевича.

Загорский обернулся и переменялся в лице. Вдалеке, примерно в версте от них, воздух словно засыпало мелкими точками. Точек было много, почти целая туча, и туча эта летела прямо на них, буквально на глазах увеличиваясь в размерах. Выглядело это зрелище довольно зловеще.

Загорский вытащил из сундучка небольшую подзорную трубу, поднес к глазам.

– Птицы, – сказал он хмуро. – Целая стая.

– Неужели? – изумился Маковецкий. – Но откуда тут птицы, зима же...

– Хочу напомнить, что в России есть птицы, которые не улетают на юг, – озабоченно заметил Нестор Васильевич.

– Но это же мелюзга, так высоко они не поднимаются!

– Ваша правда, никто из них не поднимается так высоко... – Загорский снова посмотрел в трубу и закончил, – никто, кроме ворон.

Он передал трубу Алабину, и тот разглядел в стае знакомые клювастые силуэты.

– Мать честная, – побледнел фельдфебель, – такая туча – и прямо на нас! Они же нам шар пробьют!

Подпрапорщик Маковецкий, словно зачарованный, глядел на надвигающуюся прямо на них тучу. Казалось, будто древние проклятые духи вырвались из ада и сейчас поглотят и их аэростат, и их самих. Чудовищное это зрелище совершенно заворожило нижних чинов, которые, побледнев, без единого движения смотрели на сгущавшуюся на горизонте смерть.

Кажется, один только Загорский не потерял самообладания. Он вытащил из вещмешка револьверы и произвел несколько выстрелов в сторону стаи. Однако вороны, словно ничего не слыша и не чувствуя, продолжали лететь прямо на них.

– Ничего не бояться, лярвы! – приходя в себя, выругался фельдфебель. – Что делать будем, господин полковник?

– Уходить с линии атаки, – холодно отвечал Загорский.

– Да ясно, что уходить, но куда – вверх или вниз? А что, если они за нами нырнут?

Нестор Васильевич думал не более пары секунд.

– Полагаю, что эта высота для них предельная, выше они подняться не смогут! Включайте горелку!

Фельдфебель рванулся к горелке, вверх выстрелил столб пламени. Плавно набирая высоту, шар стал подниматься в небеса. Однако было слишком поздно – птицы оказались уже в какой-нибудь сотне футов от них...

– Ну, мать Божья и святые угодники, вывози! – хрипло крикнул фельдфебель, не закрывая горелку, из которой столбом уходило вверх пламя. Маковецкий упал на лавку и закрыл лицо руками.

Загорский неподвижно глядел на стаю, до столкновения с которой оставалось каких-нибудь пятнадцать-двадцать секунд. Внезапно лицо его осветилось новой мыслью. Он сунул руку в карман и вытащил оттуда небольшое зеркальце. Оно заманчиво блеснуло в его руках, Загорский ударил им о край корзины, в кулаке его осталась мелкая стеклянная крошка. Не медля ни секунды, Нестор Васильевич, швырнул осколки навстречу воронам. Падая, они ослепительно сверкнули под зимним солнцем. Стая смешалась, вороны ринулись вниз за соблазнительными блестящими штучками. Через секунду шар прошел сквозь то место, где только что парила воронья стая.

– Ух, – сказал фельдфебель, утирая мгновенно взмокший лоб, – здорово вы их! Еще бы секунда-другая – и врезались бы прямо в нас.

Маковецкий хлопал глазами: что случилось?

– Его высокоблагородие осколками зеркала в стаю кинул, – объяснил Алабин. – А вороны обожают все блестящее, вот они и ринулись вниз – ловить. А мы, стало быть, неминуемой смерти избежали.

– Именно поэтому на кораблях держат впередсмотрящего, чтобы предупреждал об опасности, – заметил Загорский. Он глянул на свою окровавленную ладонь, пошевелил пальцами и спросил у Алабина: – Семен Семенович, не найдется ли у вас бинта?

Разумеется, у хозяйственного фельдфебеля нашелся не только бинт, но и запас йода. Ладонь Загорского смазали йодом и забинтовали. Фельдфебель, накладывая повязку, был мрачен.

– Что вы, Семен Семенович, – удивился Нестор Васильевич, – пустяковая же царапина!

– Да царапина-то оно так, – хмуро пробормотал Алабин, – а вот зеркало... Не к добру зеркала бьются, особенно на высоте в три версты над землей.

Коллежский советник, однако, отвечал в том смысле, что если бы он не разбил зеркало и воронья стая пропорола им шар – вот это бы точно было не к добру – особенно на высоте в три версты над землей. Семен Семенович ведь наверняка верующий человек, православный... А верующие не должны обращать внимания на дурные приметы и прочие пустяки, ибо сказано в Писании, что души праведных в руце Божией и не коснется их мука.

После этих слов Алабин несколько приободрился.

– А и верно, – сказал он, – нечего на пустяки смотреть. А ладонь что – ладонь до свадьбы заживет. Вы ведь, ваше высокоблагородие, не женаты?

Нестор Васильевич несколько комически развел руками: не беспокоился пока столь важным вопросом.

– И правильно, – кивнул Алабин, – и не надо торопиться. Жена, детки, это, конечно, радость, но и забота большая. Говорю как знающий человек.

Нестор Васильевич поглядел на Маковецкого: похоже, Гаврилу Романовича несколько вывело из себя это происшествие?

– Ну, что вы, – зардевшись, отвечал подпрапорщик, – это ведь наш эн дёвуар професьонэль⁵! Не говоря уже о том, что все воздухоплаватели, как известно, фаталисты.

Алабин неожиданно заинтересовался, что это за зверь такой – фаталист? Загорский объяснил, что это такой человек, который полагает, что от судьбы не уйдешь. Фельдфебель в ответ кивнул. Если всякий раз, вылетая, не знаешь, вернешься ли живым – будешь фаталистом, никуда не денешься. Тем более и предприятие у них такое, о котором до сего дня никто и помыслить не мог. Перелет до Китая на воздушном шаре – шутка ли? Тут только фаталист и решится. Или тот, кому очень деньги нужны.

Из дальнейшего разговора стало ясно, как именно Маковецкий и Алабин попали в компанию к Загорскому. Во-первых, учитывая опасность предприятия, брали только добровольцев, во-вторых, брали на большие деньги.

– Насколько большие? – любопытствовал Нестор Васильевич.

– Годичное жалованье, – отвечал фельдфебель, переглянувшись с Маковецким.

Загорский удивился: значит, Учебно-воздухоплавательный парк имеет достаточные средства?

– Вряд ли, – сказал Алабин, снова переглянувшись с подпрапорщиком. – А вот господин тайный советник, с которым вы явились, похоже, имеет.

Нестор Васильевич только головой покачал.

---

⁵ Un devoir professionnel (*фр.*) – профессиональный долг.

– Вы поймите, ваше высокоблагородие, если бы не деньги, никто бы с вами и не полетел – уж больно предприятие сомнительное и опасное, – продолжал фельдфебель.

– Ну, хорошо, – кивнул коллежский советник. – Вам, Семен Семенович, как я понимаю, нужно кормить большую семью. А вы, господин подпрапорщик, что же?

Маковецкий заалел румянцем и смущенно отвечал, что у него маленькая сестра и больная мать, а доктора требуют много денег.

– Но ведь это серьезный риск, – покачал головой Загорский. – Кто будет кормить мать и сестру, если вы погибнете?

– Ну уж, об этом беспокоиться не нужно, – отвечал Алабин. – В таком случае назначат пенсион, положенный семье погибшего военнослужащего. Так что вопрос будет вполне решен.

Нестор Васильевич поморщился, а вслух сказал только, что очень надеется, что полет их завершится успешно, и никто не погибнет – в том числе и он сам. Семьи, правда, у коллежского советника нет, однако покидать бrenную землю ему пока рановато.

За разговорами стемнело, стало еще холоднее. Фельдфебель предложил спуститься пониже, хотя бы сажень до трехсот, а то ведь по такому морозу уснуть будет трудно, а хуже того – уснешь и не проснешься. Загорский не возражал, однако его беспокоило, что внизу ветер станет дуть в другую сторону, и их отнесет от выбранного пути. Алабин, однако, обещал поискать попутный ветер в нижних слоях.

– Конечно, там дует послабее, – сказал он, – вряд ли быстрее пяти узлов, зато уж не околеет от холода.

Так и порешили. Все трое на всякий случай надели фильтрующие маски Стенхауза, после чего Маковецкий через специальный клапан стравил совсем немного газа из верхней оболочки аэростата.

– Даст Бог, часа через три опустимся до нужной высоты, – сказал он.

– Да, но в полетности-то мы теперь потеряли, – озабоченно заметил Загорский. – Придется тратить больше запасов на горелку.

– Это ничего, – отвечал Алабин. – Во-первых, можно скинуть мешок-другой балласта. Во-вторых, в полете всегда можно поднабрать высоты за счет восходящих потоков.

* * *

Ночь прошла спокойно, обязанности вахтенного исполнял Маковецкий. За сутки полета они существенно сдвинулись на юго-восток, так что утром холода почти не чувствовалось. Термометр показывал минус два градуса по Реомюру.

– Считай, как на Черном море, – усмехнулся фельдфебель.

Они теперь летели на совсем небольшой высоте, сажень в двадцати от земли, и продолжали очень медленно снижаться. Однако в полетах на небольшой высоте был один существенный минус. Ветер здесь менялся чаще и дул гораздо слабее, то есть продвижение к цели существенно замедлилось.

Они умылись, на сухом спирту вскипятили себе чаю, позавтракали. Загорский встал, посмотрел вниз.

– Живописно, – заметил он. – Похоже, мы где-то между Рыбинском и Ярославлем. Пролетаем прямо над Волгой. Однако пора нам подниматься выше и ловить попутный ветер.

Фельдфебель кивнул. Но прежде, сказал, наберем водички про запас. Загорский с интересом взглянул на него.

– Не садясь на землю?

– Конечно, не садясь, – отвечал фельдфебель. – Это только время зря тратить, да и газ тоже.

С этими словами он вытащил что-то вроде большой лейки и стал привязывать к ней трос. Маковецкий смотрел на товарища с не меньшим интересом, чем сам Нестор Васильевич. Подождав еще с полчаса, Алабин выглянул из корзины. Теперь они летели прямо над Волгой, футах в пятидесяти от воды, не более. Великая река по бокам еще была скована слоистым белым льдом, но в центре стремнина уже выбила путь для воды.

Туда и нацелился своей лейкой Семен Семенович. На полном ходу он стал спускать лейку вниз. Трос оказался достаточной длины, и вскоре лейка окунулась в речные воды. Почти сразу она набрала бледной морозной жижи и скрылась под водой.

– Ап! – сказал Алабин и потянул трос на себя.

Лейка вынырнула на свет Божий и, раскачиваясь на тросе, стала подниматься вверх. Спустя минуту Маковецкий уже втягивал ее в корзину. Вылив добытую воду в чан, он снова стал опускать лейку вниз. Таким образом, совершив три или четыре ходки, лейка полностью заполнила оцинкованный чан.

– А вот теперь – полетели, – сказал Алабин.

Сбросили один мешок с песком, выравнивая полет. К горелке в этот раз встал подпрапорщик. Умело и очень экономно пуская огонь, он поднял аэростат до высоты примерно ста саженей. Здесь их подхватил восходящий поток воздуха и уже без всякого дополнительного усилия плавно повлек вверх. На высоте примерно в тысячу саженей Маковецкий поймал попутный ветер, и они неторопливо двинулись на юго-восток...

Убедившись, что все идет должным образом подпрапорщик вытянул из-под лавки армейский ранец, вытащил оттуда книжку в твердой серой обложке и карандаш.

– Это что такое? – заинтересовался Загорский.

– Вахтенный журнал, – с охотой объяснил Маковецкий. – По завершении поездки сдадим руководству Учебно-воздухоплавательного парка.

Он уселся на лавку, открыл журнал, помусолил во рту карандаш и аккуратным убористым почерком записал:

«Список команды.

1. Подпрапорщик Маковецкий Гавриил Романович, капитан аэростата.
2. Фельдфебель Алабин Семен Семенович, старший помощник капитана.
3. Коллежский советник Загорский Нестор Васильевич, пассажир/юнга».

Далее, согласно правилам, подпрапорщик стал заполнять графы журнала: событие, время события, курс, пройденное расстояние, направление и скорость ветра, видимость, атмосферное давление, температура воздуха. Карандаш его в задумчивости повис над графой «поясняющие записи». Это заметил Загорский.

– Что вы намерены тут писать? – полюбопытствовал Нестор Васильевич.

Маковецкий поднял на него чистые юношеские глаза.

– Хочу отразить ваш героический поступок, спасший наш аэростат...

– Не нужно, – холодно перебил его коллежский советник. – Это совершенно лишнее. Напишите просто, что на такой-то высоте благодаря маневрированию удалось избежать столкновения со стаей ворон.

Глядя на обескураженное лицо подпрапорщика, он улыбнулся неожиданно мягко.

– Поймите, мой, как вы говорите, героизм – дело частное и необязательное. А вот тот факт, что птицы поднимаются на такую высоту – это может быть очень важно для других аэронавтов и даже спасти им жизнь.

В глазах подпрапорщика засветилось понимание, и он кивнул.

– Хорошо, Нестор Васильевич, так и напишу.

Он устроился поудобнее и начал заполнять вахтенный журнал. С каждым днем записей в нем становилось все больше, впрочем, разнообразием они не баловали. Почти напротив каждой даты значилось: заслуживающих внимания событий не было. Единственное, что менялось

с завидной устойчивостью, так это температура за бортом. С каждым днем она становилась все выше и выше. Последняя запись в дневнике гласила:

«22 марта 1891 года. Прибыли в порт Гонконга. 20:00 по местному времени. Температура воздуха – 13 градусов по Реомюру. Вахтенный – фельдфебель Алабин. Приземляться пришлось в темноте, в укромном месте. После приземления коллежский советник Загорский велел уничтожить аэростат, дабы не вызвать подозрений в шпионаже у здешней британской администрации. После уничтожения остатки аэростата были надежно спрятаны в местных горах. Господин Загорский поселил команду аэростата на китайском постоялом дворе «Фужун». Нам, подпрапорщику Маковецкому и фельдфебелю Алабину, велено было назавтра в 14:00 явиться в генконсульство России в Гонконге и передать его работникам письменное предписание от Министерства иностранных дел. После этого на словах следует попросить консульских работников отправить депешу тайному советнику С. о благополучном прибытии коллежского советника Загорского в Гонконг. Затем при посредстве консульских надлежит возвращаться на родину, в Санкт-Петербург, для продолжения дальнейшей службы в Учебно-воздухоплавательном парке.

Заверено: вахтенный начальник фельдфебель Алабин, капитан аэростата подпрапорщик Маковецкий».

Глава третья

Опасный драгоман

Фрегат «Память Азова» с русским цесаревичем на борту медленно подходил к берегам Гонконга. Утро было пасмурным, и после экваториальной вечнозеленой пышности Бангкока и Сиама китайский остров смотрелся смутно и даже почти уныло. Скалистые берега казались желтовато-серыми, вдалеке поднимался дым от заводов, которых с корабля было не разглядеть. Туман покрыл горы, и на пике Таймошань не было видно британского флага, хорошо различимого при ясной погоде.

Следом за наследником на палубу высыпала его свита и сопровождающие. Одни с легким разочарованием смотрели в сторону острова, другие с гораздо большим интересом поглядывали на цесаревича – в каком он пребывает настроении, и как ему показалось новое место?

Его императорское высочество выглядел усталым. Однако то была не настоящая усталость, скорее, пресыщенность. После древних развалин Греции, пирамид Египта, чудес Индии и Цейлона, темных богов Явы чем мог удивить его Гонконг, как мухами обсаженный иностранными концессиями и фирмами, остров, в котором, верно, китайского осталось меньше, чем европейского?

Наследник посмотрел на князя Ухтомского, который среди аристократов слыл человеком ученым и знающим многое из того, чего не знают другие. Впрочем, тридцатилетний Ухтомский не только слыл ученым, он и был таковым. Еще обучаясь на историко-филологическом факультете, он увлекся ориенталистикой и буддизмом и, следуя своим интересам, неоднократно бывал уже в Монголии и Китае.

– Что скажешь, Эспер Эсперович?

Ухтомский тонко улыбнулся в усы. Известно, что первое впечатление бывает обманчиво. Особенно это касается таких удивительных стран, как Китай. Впрочем, откровенно говоря, таких стран, как Китай, пожалуй, больше и не найдешь. Богатство и разнообразие Поднебесной затмевает любые иные страны, даже Индию, не говоря уже о Японии, которая есть лишь маленькая бледная копия тысячелетнего колосса. Все сколько-нибудь интересное, что имеет в себе Страна восходящего солнца, заимствовано было из Срединного царства, заимствовано и доведено до крайней степени, до Геркулесовых столбов. Нет, разумеется, в Японии должно быть свое очарование, но сравнивать Японию с Китаем – все равно, что сравнивать цветок, пусть красивый и нежный, с ботаническим садом Петра Великого.

Что же касается Гонконга, тут действительно есть свои особенности. Отчасти они связаны с проживающими здесь племенами, отчасти – с засильем британцев, отчасти – с многолетними пиратскими традициями, которые живы и до сих пор. Сложно сказать, сколько осталось в Гонконге собственно китайского, если учесть, что он уже давно является британской колонией. Однако ведь в Гонконг они только заглянут с визитом вежливости, а подлинное путешествие – плавание по рекам континентального Китая – начнется завтра. И вот тут-то воображение наследника, без всяких сомнений, будет потрясено, как потрясен был когда-то сам князь Ухтомский.

А на Гонконг все же стоит посмотреть. Соблюдая, разумеется, все меры предосторожности. Местное население сильно недолюбливает белый элемент, или, проще сказать, иностранцев. Иностранцы сами же первые в этом и виноваты. Не говоря уже о совершенно бесстыжей эксплуатации азиатов, тут имеет место и прямое попрание их человеческих прав. До сих пор отсюда в Америку регулярно вывозят несчастных кули-простолудинов, которые строят там железные дороги и выполняют другие непосильные работы.

Двадцать лет назад два европейца жестоко, как собаку, убили в Гонконге слугу-китайца. Случай этот вызвал такое возмущение, что британским властям пришлось казнить убийц. Но мира между народами это не установило, местные проявляли такое буйство и непокорство, что для усмирения их из Индии были выписаны суровые пенджабцы и отважные сикхи, которые образовали тут отдельные подразделения полиции – как морской, так и сухопутной.

Под грохот приветственного салюта русская эскадра в составе фрегата «Память Азова» и шести военных кораблей причалила к пристани. Ухтомский знал, что первыми на борт явятся русские официальные лица, которые будут сопровождать его императорское высочество на земле Китая. Сопровождающих должно быть трое: русский военный агент, полковник Главного штаба Дмитрий Васильевич Путята, а также два молодых драгомана-синолога Александр Вахович и Дмитрий Покотиллов.

По расчетам Ухтомского, вся русская делегация должна была быть уже на пристани. Однако как он ни всматривался, никак не мог различить в снующей по пристани толпе китайцев и европейцев ни полковника, ни драгоманов. Между тем приближался уже час, когда на борт поднимется губернатор Гонконга, сэр Джордж Вильям Де Вё. И хотя встреча должна пройти в рамках протокола, то есть вполне бессодержательно, но до нее неплохо было бы перекинуться парой слов с людьми, знающими обстановку.

Что же задержало военного агента полковника Путяту, какие непредвиденные обстоятельства, и отчего он запаздывал с визитом на фрегат «Память Азова»?

Обстоятельство, надо сказать, было одно, но весьма неожиданное. Небольшая процессия из трех китайских рикш, которая везла самого полковника и двух драгоманов, внезапно была остановлена на полпути. Дмитрий Васильевич нахмурился и выглянул из-за рикши, пытаясь понять, что стало причиной внезапной остановки.

Его рикша, скроив жалобное лицо, стоял перед обтрепанным господином с небольшой, но весьма неухоженной черной бородой. Поначалу полковник принял его за индуса, но, приглядевшись, понял, что имеет дело с европейцем, вот разве что явным брюнетом, да еще и загорелым к тому же. Именно это и ввело Путяту в заблуждение, заставив подумать, что перед ним индус.

– В чем дело, любезный? – окликнул его полковник по-английски. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

Бородач поднял глаза на Путяту и негромко сказал на чистом русском языке.

– На два слова, Дмитрий Васильевич. Дело не терпит отлагательств...

Услышав этот голос, а главное, разглядев физиономию незнакомца, Путята вздрогнул и спрыгнул с рикши. Менее всего ожидал он увидеть этого человека здесь, в Гонконге. Впрочем, а почему нет, как сказали бы наши заклятые друзья англичане? Это лицо можно было встретить практически в любом уголке земного шара, куда простирались интересы русской короны. В последний раз Путята видел его в 1883 году в Туркестане, где сам он при штабе округа исполнял обязанности офицера для поручений.

Путята, убедившись, что перед ним точно Загорский, велел рикше ждать за углом, следом отправил и драгоманов, которые уже с любопытством рассматривали бородача из своих тележек. Сам же отвел коллежского советника в сторону, подальше от шныряющих по улице китайцев.

– Милостивый государь Нестор Васильевич, – проговорил он, сердито глядя на Загорского, – потрудитесь объяснить, что вы делаете в Гонконге и почему силком остановили мою коляску?

– Делаю я тут то же самое, что обычно, – безмятежно отвечал Загорский, – то есть выполняю особые дипломатические поручения.

Путята нахмурился.

– Знаю я вашу дипломатию, – сказал он, нервно оглядываясь по сторонам – нет ли поблизости европейцев. – У меня до сих пор сердцебиение делается при воспоминании о той дипломатии, которую вы навели при нашей прошлой встрече в Туркестане.

– Что поделаешь, любезный полковник, лес рубят – щепки летят, – заметил коллежский советник. – В нашем деле без эксцессов нельзя, сами знаете.

Полковник сердито засопел.

– Должен заметить, что место для эксцессов вы выбрали неподходящее. Известно ли вам, что сегодня сюда прибывает с визитом его императорское высочество?

– Как раз поэтому я тут и оказался, – отвечал Загорский и вкратце разъяснил собеседнику ситуацию.

Слушая его, полковник только хмурился и кричал.

– Однако, – сказал он наконец, – вот оно, наше стратегическое планирование. Одна рука не знает, что делает другая, а голова вообще занята посторонними делами. Если все так, как вы говорите, почему меня не предупредили депешей?

Нестор Васильевич отвечал, что появление его рядом с наследником – дело чрезвычайно секретное и о прибытии его не должен был знать никто. Исключая, разумеется, самого полковника. Если бы послали депешу телеграммой, ее бы наверняка прочитал кто-то еще, да хотя бы принимающий чиновник. А это в данных обстоятельствах совершенно лишнее.

– Для вас же, дорогой полковник, имеется у меня отдельное послание, – Загорский вытащил из кармана пиджака конверт и подал его собеседнику. Конверт содержал приказ начальника Главного штаба Обручева, который предписывал ему, Путяте, оказывать подателю сего, коллежскому советнику Загорскому, всемерную помощь и поддержку во всех его начинаниях.

– Во всех начинаниях, – поморщился полковник. – А если, простите, вам придет на ум посетить публичный дом, я тоже должен буду вас поддерживать в этом душевспасительном предприятии?

– Полагаю, что да, – безмятежно отвечал Нестор Васильевич. – Если речь идет о государственных интересах, меня не остановит никакой публичный дом. Однако не волнуйтесь, так далеко мои планы не простираются.

– Чего же вы хотите?

Загорский хотел оказаться рядом с государем цесаревичем в его дальнейшем путешествии. Но оказаться так, чтобы не вызвать ни у кого никаких подозрений и не привлечь к себе лишнего внимания. Дело осложнялось тем, что по Китаю наследник должен был плыть не на фрегате «Память Азова», а на китайском пароходе, на котором имелась уже своя команда. Это значило, что на пароход попадут далеко не все, кто находится на фрегате. Надо было, во-первых, ввести Загорского в окружение цесаревича, во-вторых, угадать так, чтобы его взяли в путешествие по Китаю.

– Однако вы задали загадку, – полковник хмурил брови, раздумывая. – Сами понимаете, в свиту наследника ввести я вас не могу, к высшей аристократии, насколько я знаю, вы не принадлежите. В каком же качестве вас представить его императорскому высочеству?

Он задумался и молчал, наверное, с полминуты. Затем лицо его просветлело.

– На «Азове» есть оркестр, который Николай Александрович наверняка возьмет с собой в плавание по Китаю. Я полагаю, военно-морская форма будет вам к лицу. Вы умеете играть на музыкальных инструментах?

Нестор Васильевич отвечал, что играет на фортепьянах, хотя и довольно посредственно. Путята усмехнулся – на фортепьянах! Где он видел, чтобы в военном оркестре играло фортепьяно? Нет-нет, речь, разумеется, идет о духовых и ударных инструментах, всяких там трубах, валторнах, флейтах и тамбуринах.

Загорский покачал головой: нет, на трубах он не играет, а равно и на тамбуринах. Да и вообще идея с оркестром не кажется ему удачной. Придется подчиняться военно-морской дисциплине, ходить на репетиции, а ему нужна свобода действий.

– Уж и не знаю тогда, что вам предложить, – ядовито отвечал Путята. – Разве что переодеть вас китайской певичкой и подсунуть наследнику.

Нестор Васильевич посмотрел на полковника задумчиво: цесаревич интересуется китайскими певичками? Тот хмыкнул: цесаревич вообще интересуется женским полом, и китайские певички – не исключение. Загорский покачал головой – это плохо. Это образует огромную брешь в их обороне. Ничего нет проще, чем подобраться к объекту через женщину. Вот так лишний раз убеждаешься, что сладострастие – тяжелый и опасный порок. Как жаль, что им заражен августейший наследник.

Полковник только головой покачал укоризненно: это уж чересчур, Нестор Васильевич, все же вы о будущем государе говорите!

– Государем он станет, только если наша миссия завершится благополучно, – отвечал Загорский. – В противном случае Николай Александрович отправится к праотцам, так и не познав всех радостей самодержавной власти. Впрочем, вы правы, нас это не касается, наше дело – по мере сил исполнять свой долг. Скажите, а что это за молодые люди ехали с вами?

Путята объяснил, что это здешние синологи, драгоманов, которые будут сопровождать его императорское высочество в путешествии по Китаю. Коллежский советник обрадовался: идеальный вариант прикрытия. Раз так, он тоже будет драгоманом, сопровождающим наследника по Китаю.

Но тут уже воспротивился полковник. Три драгомана – это чересчур, это вызовет удивление.

– Хорошо, – кротко сказал Загорский, – оставьте одного драгомана здесь, я поеду вместо него.

– Вы шутите? – ошеломленно спросил Путята.

– Ничуть не бывало, – и Нестор Васильевич кивнул на конверт с приказом, который полковник все еще держал в руках. – Вы, надеюсь, помните: всемерная помощь и поддержка во всех начинаниях.

Несколько секунд Путята буравил коллежского советника грозным взглядом, потом все-таки сдался.

– Ладно, – сказал он нехотя, – я поговорю с драгоманами.

Нестор Васильевич кивнул: прекрасно. Да, и вот еще что. Его надо представить как китайско-японского драгомана, ему ведь еще сопровождать наследника в Стране восходящего солнца. Полковник прищурился: а господин Загорский знает японский язык? Не знает, отвечал тот, да это и не нужно. В Японии будут свои, штатные драгоманов. Для него же главное – на законных основаниях пребывать рядом с цесаревичем.

Путята неожиданно ухмыльнулся: в нынешнем его виде это будет трудновато. Для начала хорошо бы сбрить бороду и купить приличный костюм.

– Костюм – да, – сказал Загорский, оглядывая себя. – Мне, видите ли, пришлось путешествовать в неординарных условиях. Не понимаю, однако, чем вам не нравится моя борода?

– Это не борода, а недоразумение, – со злорадным удовольствием заметил полковник. – Вы в ней похожи не на драгомана, а на какого-то индуса.

Но Нестор Васильевич неожиданно воспротивился. На его взгляд, борода хорошо маскировала его истинный облик – на тот случай, если встретится какой-то знакомец.

– И вообще, – добавил Загорский, – я, пожалуй, возьму имя одного из ваших драгоманов. Кого вы планируете оставить на берегу?

Полковник поразмыслил немного и решил, что на борт фрегата вместе с ним взойдет более молодой Покотилов, а Ваховича придется оставить в Гонконге. Вахович к тому же был примерно одних лет с Загорским, так что подмена будет менее заметной.

Уличный китайский цирюльник привел растительность на лице новоявленного драгомана в более или менее божеский вид, затем они зашли в британский магазин одежды – и спустя полчаса Путята в сопровождении Загорского и Покотилова подплыл на катере к фрегату «Память Азова».

Покотилов, сам состоявший на службе в министерстве иностранных дел, к замене одного драгомана другим как будто отнесся спокойно. Однако, пока они плыли на катере, не удержался и вставил шпильку.

– Синологом, милостивый государь, быть не так-то просто, – заметил он негромко. – Особенно если вы «ли» от «цзю» не отличаете⁶.

Коллежский советник промолчал, как будто ничего не слышал, и только глядел на приближающийся серый борт фрегата. Пока они плыли, Путята вкратце рассказал Загорскому биографию Ваховича, чтобы тот случайно не проговорился в беседе с кем-нибудь на борту фрегата.

Наследник принял рапорт полковника, а затем с интересом посмотрел на стоявших за его спиной Покотилова и Загорского. Путята поспешил представить их августейшему собеседнику как молодых драгоманов-китаистов.

– Молодых? – удивился двадцатидвухлетний цесаревич. – Сколько им лет – тридцать, тридцать пять?

Однако полковник ловко выкрутился.

– У нас, ориенталистов, есть поговорка: главные трудности в китайском языке начинаются после первых пятнадцати лет изучения. Так что этих господ вполне можно считать молодыми китаистами, хотя люди они вполне уже зрелые.

Наследник засмеялся и благосклонно кивнул драгоманам – каждому в отдельности.

После этого «молодые» синологи были представлены их сиятельному коллеге князю Ухтомскому. Перебросившись с ними несколькими общими фразами, он отошел с Путятой в сторону – о чем-то переговаривать.

– Поздравляю, господин Загорский, – негромко, но ядовито заметил Покотилов. – Теперь ваше существование на фрегате можно считать узаконенным.

Нестор Васильевич бросил на него быстрый взгляд.

– Не знаю, сказал ли вам полковник, что я выполняю очень важное и очень секретное государственное поручение, – проговорил он так же негромко. – Всех деталей я вам раскрыть не могу, но могу сказать одно: если вы, Дмитрий Дмитриевич, еще хоть раз назовете меня Загорским, вас повесят.

С этими словами он растворился в воздухе, оставив Покотилова в полнейшем оцепенении. На горизонте сгущались темные гроззовые облака.

---

⁶ Покотилов имеет в виду иероглифы «сила», 力, и «девять», 九, которые внешне похожи и начинающие изучать китайский язык иногда их путают. Покотилов тут демонстрирует Загорскому кастовую спесь синологов, которые часто не верят, что другие способны в должной мере освоить столь трудный язык, как китайский.

Глава четвертая

Бой с флейтистом

Загорский уже знал, что около 12 часов дня цесаревич запланировал визит к губернатору Гонконга. Визит мог быть сорван из-за начинающейся грозы, а мог еще и состояться. Выезд наследника в город не слишком беспокоил Нестора Васильевича. Он понимал, что при необыкновенном стечении охраны, полиции и войск, которым будет сопровождаться поездка августейшего русского гостя, убийцам, если они вдруг добрались до Гонконга, действовать будет чрезвычайно сложно. Гораздо удобнее им будет выполнить страшную свою миссию в континентальном Китае, при общей расхлябанности и неразберихе, которая вечно сопровождает тамошнюю жизнь.

Правду сказать, самому Загорскому эта неразбериха и расхлябанность нравилась. Ну, или, скажем так, он против нее ничего не имел. Но расхлябанность, умирительная в обычное время, грозит бедами во времена переломные. И вот тут-то она могла сыграть дурную роль. Впрочем, на то и был нынче послан коллежский советник сопровождать будущего государя, чтобы не случилось, упаси Боже, чего-нибудь трагического или даже просто огорчительного для августейшей особы.

Оставшееся недолгое время Нестор Васильевич решил посвятить осмотру фрегата. Он вел себя, как хороший полководец, который перед битвой производит разведку местности. Даже если битва не состоится, изучение это не пройдет даром: идеи, которые возникнут в это время, можно будет использовать в другой раз.

Коллежский советник, как любой почти разведчик со стажем, умел быть малозаметным и делать свое дело так, чтобы не вызвать не только подозрений, но даже и ненужного внимания к своей персоне. Хочешь быть незаметным – не встречайся взглядом с окружающими. Смотри поверх, в сторону, в крайнем случае – сквозь человека. Самое худшее, что про тебя подумают: вот, дескать, какой забавный чудаковатый, да тут же и забудут. Если ищешь определенную вещь, делай вид, что ищешь что-то совсем другое. Мельчайшие сигналы, которые подает тело окружающим, будут вводить их в заблуждение относительно твоих истинных намерений. В этом случае распознать разведчика может только другой такой же разведчик. Так гласила сложная наука шпионажа, не говоря уже о собственном опыте Загорского.

В своих блужданиях по фрегату Нестор Васильевич наткнулся на каюты оркестра или, как называл его князь Ухтомский, хора музыки. И лишний раз убедился в правильности своего выбора. Конечно, при желании он мог просто надувать щеки и беззвучно изображать игру на какой-нибудь валторне. Однако очень скоро товарищи все равно бы его раскусили, и слух о странном музыканте, которого зачем-то сунули в оркестр, разнесся бы по всему кораблю. И это не говоря уже о том, что места проживания музыкантов выглядели не слишком-то комфортабельно.

Несмотря на всю осторожность Загорского, во время обхода корабля случилось все-таки странное происшествие. Точнее сказать, не случилось, и не происшествие, а, как бы это выразиться поточнее? Вокруг него, как некий миазм, стало сгущаться предощущение чего-то нехорошего. Проанализировав на ходу свои ощущения, Нестор Васильевич пришел к выводу, что за ним, возможно, началась слежка. Что ж, само по себе дело не удивительное: на корабле есть охрана, и в этой охране наверняка есть филеры. Удивительно было, что Нестор Васильевич ни разу не увидел того, кто за ним наблюдает. Впрочем, он, однако, и не пытался. Если бы за ним следили просто так, на всякий случай, как за новым человеком, это было одно дело. Обнаружив свои навыки по изобличению слежки, он бы показал, что он человек неслучайный и что его

следует опасаться. А вот этого Загорскому хотелось меньше всего. Поэтому он быстро свернул свои поиски неизвестно чего и вышел на палубу. И нос к носу столкнулся с князем Ухтомским.

– Ага, – сказал Эспер Эсперович, – вот и наш любезный драгоман... Простите, запомнил ваше драгоценное имя?

– Моя, как говорят китайцы, драгоценная фамилия и прославленное имя – Александр Степанович Вахович, – очаровательно улыбнулся Загорский.

– Именно так я и думал, – кивнул князь. – Между нами, уважаемый Александр Степанович, я тоже имею некоторое отношение к ориенталистике...

Это скромное заявление почему-то вызывало у Загорского улыбку.

– Некоторое отношение, – повторил он, как бы пробуя фразу на вкус. – Работы вашего сиятельства в области буддологии хорошо известны синологам. Скажу больше: некоторые из них послужат к украшению русской науки.

– Оставляю это заявление на вашей совести, – засмеялся довольный князь. – Скажите, кто из вас намерен сопровождать цесаревича во время визита к губернатору – вы или Покотилов?

– Полагаю, что это будет ваш покорный слуга.

– Прекрасно, – сказал Ухтомский, – я уверен, что вы блистательно объясните все его императорскому высочеству...

Сказав так, он вдруг осекся и посмотрел на коллежского советника с некоторым удивлением. Позвольте, а что же будут делать драгомены при губернаторе, говорил его взгляд? Ведь он прекрасно владеет своим родным английским языком, да и некоторыми другими европейскими тоже.

Загорский очаровательно улыбнулся и сообщил, что, хотя губернатор, безусловно, говорит по-английски, но вокруг него много китайцев. И по этой причине помощь драгоманов может оказаться неоценимой.

Сказав так, Нестор Васильевич откланялся и исчез.

Несмотря на дождливую погоду, цесаревич все-таки решил визит к губернатору не отменять. В его свите проследовал и коллежский советник. Он, помимо прочего, хотел заодно проверить свое ощущение – не возникнет ли чувство слежки за пределами фрегата? Однако все было тихо. Итак, шпион не принадлежал к свитским и, скорее всего, входил в корабельную службу. Однако, учитывая, что только команда фрегата составляла несколько сотен человек, определить шпиона, не увидев его, было достаточно сложно.

Впрочем, имелась одна зацепка. Неприятное ощущение возникло сразу после того, как Нестор Васильевич побывал в каюте музыкантов. Там было несколько человек, но ни один из них при беглом взгляде не произвел на Загорского впечатления филера. Может быть, он ошибся и, как говорится, своих своих не познаша. А может быть и такое, что совпадение оказалось случайным. Впрочем, это не так уж и важно, утро вечера мудренее. Вернемся на фрегат и будем по мере сил разбираться.

Визит к губернатору оказался обычным, хотя и чрезмерно пышным протокольным мероприятием. Сход на берег был ознаменован многочисленными салютами, на набережной выстроили длиннейший почетный караул со знаменем и оркестром. Пока цесаревич шел вдоль караула, над ним гремел русский гимн. Его императорское высочество усадили в фаэтон губернатора, который сопровождали внушительного вида верховые, набранные из индийских сикхов. По пути в губернаторскую резиденцию шпалерами расположились шотландские солдаты. Одним словом, приняли нашего наследника с настоящей восточной пышностью. В визите этом, впрочем, было одно несомненное достоинство – он весь кончился в полчаса. После чего цесаревич со свитой благополучно вернулся на фрегат.

Остаток дня Загорский провел весьма беззаботно, знакомясь с командой корабля. Люди неопытные сказали бы, что знакомиться ему нужно не с командой, а со свитой цесаревича. Но если всякий раз оглядываться на профанов, никакое дело не будет сделано в срок и должным

образом. Убийца, полагал коллежский советник, едва ли попытается добраться до его императорского высочества со стороны свиты. А вот команда фрегата в этом смысле являет собой среду куда более опасную.

Среди членов команды, с которыми Загорскому удалось поговорить, особый интерес у него вызвал мичман Менделеев. Он оказался старшим сыном русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева – и завзятым фотографом к тому же. Загорский чрезвычайно заинтересовался фотографиями, которые Менделеев делал во время восточного путешествия, и с большим любопытством изучил их. С особенным вниманием, однако, изучал он не чудеса Востока, а лица команды фрегата и окружения цесаревича. Физиономия одного матроса привлекла его живое внимание.

– Кто это? – сказал он, потыкав пальцем в изображение.

– Не помню точно, – рассеянно отвечал Владимир Дмитриевич, – кажется, один из оркестрантов.

Ах, вот оно что! Значит, все-таки оркестрант. А вот Загорский определил бы его профессию несколько иначе. Знающему человеку внешность может сказать больше, чем подробное досье. Мастер боевых искусств всегда распознает другого мастера – по тому, как он двигается, стоит, сидит, по плечам, по положению рук, по взгляду, повороту головы и по множеству других малозаметных факторов. Так же и шпион по одному виду определяет другого шпиона, иной раз – просто по исходящему от него электричеству. И сразу становится ясно, что перед ним шпион, хотя в корабельной табели он значится матросом или музыкантом.

Нет, конечно, шпионы могут быть и музыкантами, некоторые шпионы вообще люди способные в изящных искусствах. Но музыка, литература, живопись – это лишь увлечения настоящего шпиона, единственное призвание и всепоглощающая страсть у него одна – шпионаж.

Следовательно, Нестор Васильевич не ошибся, на хвост ему сели возле каюты оркестрантов. Что ж, проверим свои догадки ближе к ночи.

Ночь, как пишут в бульварных романах, не заставила себя долго ждать. Выждав, пока на верхней палубе все утихнет, Загорский осторожно выскользнул из своей небольшой каюты. Поначалу их с Покотиловым хотели поселить вместе, но коллежский советник с неожиданной твердостью настоял, чтобы каюты им дали отдельные. И вот ему досталась совсем небольшая, но изолированная каюта. В ней было, разумеется, не так просторно, как в двухместной, однако за комфортом Нестор Васильевич не гнался, для него важнее была приватность.

Надо сказать, что Покотиллов старался теперь без нужды на глаза коллеге не показываться. После предыдущего разговора возмущенный драгоман явился к полковнику с претензией.

– Дмитрий Васильевич, я определенно не понимаю, что происходит, – заявил Покотиллов срывающимся от негодования голосом.

– А что именно происходит? – спросил Путята, ласково оглядывая молодого китаиста.

– Этот ваш бородач заявил, что если я еще раз назову его Загорским, меня повесят!

Полковник хмыкнул: неужто прямо так и заявил? Да, прямо так и заявил, отвечал Покотиллов. Путята успокоил его.

– Не волнуйтесь, никто вас не повесит, вы же не заговорщик какой-нибудь. Я ваше возмущение понимаю и даже в какой-то мере разделяю его. Но я бы на вашем месте не стал раздражать Нестора Васильевича. Ссориться с Загорским – это роскошь, которую даже я не могу себе позволить. А вы – и подавно. Так что, если не хотите безвременно кончить жизнь на виселице, не задевайте Загорского... то бишь Ваховича.

Тем временем Вахович, он же Загорский, дождался двух часов ночи, когда все на корабле утихло, и вышел из своей каюты. Стараясь двигаться как можно более бесшумно, он поднялся на верхнюю палубу. Скрываясь в тени, двинулся в сторону каюты его императорского высочества. Луна на миг зашла за облако. Когда спустя несколько секунд она снова явилась на небе, Загорский уже куда-то пропал.

Спустя полминуты на палубе появился силуэт человека, который крайне осторожно продвигался вперед. Судя по форме, это был матрос, однако его кошачья манера двигаться сильно отличалась от покачивающейся походки обычных «морских волков». Вдруг он замер, увидев впереди себя длинную спину Загорского. Тот стоял как раз напротив каюты цесаревича. Из кармана пиджака он вытащил револьвер и сделал шаг, став вплотную к каюте.

В тот же миг сзади на Загорского навалилась нечеловеческая тяжесть. Невесть откуда взявшийся враг заломил ему руку с револьвером, а другой рукой взял его горло в стальной зажим. Однако коллежский советник оказался малый не промах. Он уронил револьвер на палубу, свободной рукой подбил снизу вверх локоть противника и, как змея, выскользнул из его объятий. Теперь они стояли лицом к лицу. Загорский был несколько выше, но противник его казался крепче.

Почти не сделав паузы, враг атаковал его градом боксерских ударов. Защищаться в этих условиях было бессмысленно, и Нестор Васильевич только уклонялся и отступал, ожидая, когда яростный порыв противника иссякнет. Наконец он нырнул под руку противника и сбил его с ног круговой подсечкой. Тот, однако, без всякой паузы акробатическим прыжком встал на ноги.

Однако противник оказался более серьезным, чем можно было ожидать. Встает вопрос: стоит ли рисковать, продолжая эту игру?

– Слушайте, – начал было Нестор Васильевич, предупреждая поднимая руку, – нам надо поговорить...

И тут же получил быстрый удар в колено – едва-едва успел отдернуть ногу. Но этот подлый трюк оказался лишь отвлечением. Сделав выпад, враг ударил его кулаком сверху, метя в затылок. Конечно, ни один уважающий себя боксер не стал бы использовать такой варварский прием. Однако, несмотря на всю его дикость, он оказался весьма эффективным. Как говорится, на войне все средства хороши. И если бы в последний миг Загорский не увернулся, он бы, конечно, уже лежал на палубе без сознания.

Несколько выведенный из себя, коллежский советник ринулся навстречу противнику, прошел сквозь его оборону и схватил его за руки так, что тот и двинуться не мог. В китайском ушу такой захват называется связыванием, поскольку вырваться из него почти невозможно.

– А вот теперь поговорим спокойно, – сказал Загорский.

Но спокойно поговорить не удалось. Неистовый враг дернул головой и клацнул зубами прямо возле носа Нестора Васильевича. Пришлось, не отпуская рук, чувствительно двинуть его локтем в скулу. Этот прием произвел наконец ожидаемое действие – противник потерял сознание.

– Однако ты и упрямец, – осуждающе заметил коллежский советник, взвалил поверженного врага себе на плечи и, по-прежнему оставаясь в тени, поволок его вниз. Когда спустя десять минут драчливый соперник очнулся, то обнаружил, что лежит в каюте Загорского. Руки и ноги его были связаны полотенцами, в рот вставлен кляп.

Увидев, что клиент пришел в себя, Загорский сказал:

– Я повторяю свое предложение – поговорить. Если вы снова попытаетесь драться или, того хуже, кричать, обещаю сломать вам трахею.

Для убедительности Нестор Васильевич слегка сжал пленнику горло двумя пальцами. Тот замычал. Загорский отпустил его.

– Обещаете вести себя тихо? – спросил он.

Пленник кивнул. Загорский улыбнулся и вытащил кляп у него изо рта. Тот поморщился и пошевелил нижней челюстью.

– Надеюсь, вы оценили, насколько деликатно я вставил вам кляп? – спросил Нестор Васильевич. – А мог ведь выломать челюсть, особенно после того, как вы пытались меня покалечить.

– Кто вы? – спросил пленник, глядя на коллежского советника со страхом и отвращением.

Загорский заметил, что вопросы тут задает он. Впрочем, смилостивившись над поверженным противником, заявил, что он – друг и не несет никакой опасности никому на фрегате.

– Кто вы такой, я не спрашиваю, – сказал Нестор Васильевич. – Вы – верный служака, смешанный тип убийцы и охранника. То, что называется глубоко законспирированный агент. Я даже имени вашего не спрашиваю, оно мне известно. Вы – Георгий Игнатьевич Солдатов, флейтист. Впрочем, служба в судовом оркестре – ваше прикрытие, главное ваше дело – безопасность наследника цесаревича. Скажу вам по секрету, что это и мое главное дело. Однако я хотел бы понять, почему вы начали за мной слежку, где я, так сказать, прокололся?

Несколько секунд Солдатов молчал, бросая на Загорского угрюмые взоры исподлобья. Потом сказал хмуро:

– Почему я должен вам доверять?

– Во-первых, потому что у вас нет другого выхода, – очаровательно улыбнулся собеседник. – Если вы не будете мне доверять, мне придется выбросить вас в море со связанными руками.

– А во-вторых? – всё так же угрюмо спросил пленник.

– Как говорил в таких случаях император Наполеон Бонапарт, вполне достаточно одного резона.

С полминуты Солдатов молчал, потом сказал:

– Я должен был проверять всех новых людей, которые всходили на борт и оставались на нем достаточно продолжительное время. Я сразу понял, что вы не тот, за кого себя выдаете.

Загорский поднял бровь: и как же он это понял?

– Очень просто, – отвечал флейтист, – я знаю настоящего Ваховича в лицо. Перед началом восточного круиза государя цесаревича я изучил дела и фотокарточки всех персон, которые должны были появиться рядом с наследником.

– Ах, вот оно что, – протянул Загорский, – действительно, этого я не предусмотрел. С другой стороны, мне, в отличие от вас, пришлось включаться в дело сразу, без подготовки. Пришлось импровизировать на ходу. Впрочем, вашей заслуги это не отменяет, вы славно поработали.

Солдатов скривился: если бы он славно поработал, на его месте сейчас лежал бы сам господин Вахович – или как его там на самом деле зовут – а он, Солдатов, его бы допрашивал.

– Что делать, – вздохнул Нестор Васильевич, – жизнь – игра. Сегодня я в дамках, завтра, глядишь, ситуация изменится, и вы окажетесь на коне. Впрочем, в нашем случае это неважно, поскольку выиграли мы оба. Просто вас судьба наградила чуть большим количеством тумачков...

– Кстати, о тумачках, – сказал Солдатов. – Не могли бы вы объяснить, зачем вы полезли в каюту к наследнику?

Нестор Васильевич пожал плечами: это же очевидно. Надо было понять, насколько положение цесаревича на борту безопасно. Если бы к нему пробрался Загорский, значит, это смог бы сделать и кто-то другой.

Флейтист покачал головой: о том, что цесаревич под надежной защитой, можно было догадаться. Он проехал уже через множество стран и до сих пор его никто не побеспокоил. Загорский на это возразил, что, насколько ему известно, в этих странах никто цесаревича убивать не собирался.

– А сейчас собираются? – спросил Солдатов.

– Не исключено, – сухо отвечал Загорский. – Вы, простите, в каком звании?

Пленник отвечал что он, ну, скажем, штабс-капитан. Нестор Васильевич полюбопытствовал, где именно он состоит на службе – в Главном ли штабе или непосредственно в дворцовой полиции? Солдатов хмуро заметил, что это ему знать совсем не обязательно.

– Согласен, – кивнул Загорский и задумался. – Как же нам дальше быть?

– Все-таки хотите выбросить меня в море? – буркнул штабс-капитан.

– Следовало бы за ваше упрямство, – отвечал Нестор Васильевич, – однако, боюсь, нашего положения это не улучшит.

– В таком случае развяжите меня, – потребовал Солдатов, – руки уже затекли и болят.

Нестор Васильевич быстро освободил его от пут. Теперь два разведчика сидели рядом на койке и смотрели друг на друга.

– Ну, – сказал Загорский, – раз уж мы нынче в одной лодке, давайте, по крайней мере, подумаем, как нам объединить усилия. Что вам известно о дальнейшем маршруте цесаревича?

Глава пятая

Последний из ниндзя

С утра пораньше, еще до того, как корабельные склянки пробили восемь, пассажиры фрегата «Память Азова» взялись перегружаться на огромный колесный пароход «Цзян Куань», или, говоря по-русски, «Речная ширь». Вызвано это перемещение было тем, что военный фрегат оказался не приспособлен для плавания по рекам. На «Речной шири» имелась своя команда, так что в число избранных, которые попали на этот ковчег, вошли далеко не все пассажиры «Памяти Азова». Изгои, не взятые в число спасаемых, с грустью провожали взглядами своих более удачливых товарищей. В их компанию вошла свита цесаревича, его двоюродный брат, греческий принц Георгий, военно-морской десант, которым командовал капитан первого ранга Бауэр, оркестр, полковник Путята и оба драгомана, Покотилов и Вахович, он же Загорский.

Несмотря на прохладный день, у князя Ухтомского было прекрасное настроение. Наконец-то путешественники смогут взглянуть на настоящий, не испорченный британским владычеством Китай. «Правь, Британия!», «Боже, храни королеву!» и прочие высокопарные лозунги хороши на холодных северных островах, но здесь, в Китае, своя королева, она же императрица Цыси, и свое представление о том, кто должен править Поднебесной и окружающими ее варварскими пространствами.

После загрузки «Речная ширь», хлопая колесами по воде, на полном ходу вышла из залива, направляясь в Кантон, или, как говорят знатоки мандаринского наречия, в Гуандун. От Гонконга до Кантона – 85 морских миль, то есть больше полутора сотен верст. Спустя несколько часов быстрого хода пассажиры увидели, как морское течение окрасилось в желто-бурый цвет – признак того, что пароход вошел в устье Чжу-цзян, или Жемчужной реки. В начале речной дельты кораблю пришлось обогнуть так называемый Тигровый остров, для чего он прошел узким проливом, который называется Ху-мынь, то есть Тигровые ворота.

Как объяснил его императорскому высочеству Путята, остров называли Тигровым вовсе не потому, что там множество тигров, хотя, если верить рассказам местных жителей, в старые времена тигров здесь было больше, чем домашних кошек, и они буквально терроризировали добрых желтолицых пейзажей: то курицу украдут, то бычка растерзают. Скорее всего, помпезное свое название остров получил оттого, что сама его форма напомнила кому-то тигриную голову. Нельзя исключать и того, что тигровыми, то есть ужасными и грозными, местным жителям казались здешние военные укрепления, которые, впрочем, в середине века легко разметали европейские военные орудия.

На горизонте появилась семиэтажная пагода – верный признак китайской земли. Хранимые в пагодах реликвии вроде зуба Будды или священных сутр должны были, по мысли китайцев, защищать здешние земли от бед и напастей. Оставив за кормой пагоду, пароход двинулся дальше – мимо крестьянских полей, на которых кое-где одиноко росли рощицы фруктовых деревьев.

Наконец вдали показалась городская стена – глазам пассажиров явилась столица провинции Кантон, город Гуанчжоу. Город этот для простоты иностранцы часто зовут Кантоном – как и всю провинцию.

Наследник созерцал город в полном молчании, и нельзя было понять, нравится ли ему Гуанчжоу или нет. А вот на князя Ухтомского здешняя столица произвела двойственное впечатление. Ни о какой архитектуре или просто разумной застройке речи тут не шло, низкие невзрачные дома кое-где перемежались башнями пагод. Некоторое разнообразие в общую унылую картину вносил лишь недостроенный католический собор.

– Что здесь делают католики? – князь вопросительно взглянул на Загорского, с большим интересом озиравшего окрестности.

– То же, что и везде – занимаются прозелитизмом⁷, – отвечал Нестор Васильевич. – Обращать людей в христианскую веру здесь одновременно и легко, и сложно. Легко, потому что народ здесь веротерпимый и спокойно принимает чужую религию. Сложно – потому что европейцам не доверяют ни власти, ни простой народ. Некоторые китайцы полагают церкви чем-то вроде привилегированных клубов, куда могут попасть только те, кто находится на короткой ноге с иностранцами.

Ухтомский предположил, что, вероятно, Гуанчжоу – очень древний город.

– Не особенно, – отвечал Нестор Васильевич. – Ему – чуть больше двух тысяч лет, да и то по легенде. По китайским понятиям, возраст не самый почтенный.

– А что говорят археологи? – полюбопытствовал князь.

Коллежский советник отвечал, что археологи ничего не говорят по той простой причине, что археологии в Китае нет. Попытки иностранных ученых изучать материальную историю Поднебесной пресекаются здешним правительством, которое находит тысячу резонов, чтобы чужеземцы не копались в их священной земле – не дай Будда, выкопают что-нибудь не то. Таким образом, археологию китайцам прекрасно заменяет мифология.

Между делом Загорский заметил, что Кантон относится к тем провинциям, которые особенно не любят чужеземцев. Например, принц Бонапарт, еще будучи французским подданным, так и не добился аудиенции у здешнего вице-короля. Такой же отказ получил и прославленный адмирал Гамильтон.

– Почему же нас встречают с распростертыми объятиями? – полюбопытствовал князь.

Нестор Васильевич отвечал, что на этот счет есть разные теории. Одна версия состоит в том, что мы такие же азиаты, как и сами китайцы.

– А другая?

– Другая объясняет русский феномен гораздо проще: с китайцами нам все удастся просто потому, что мы – лучшие.

Ухтомский засмеялся, потом внезапно приумолк и о чем-то задумался. Тут Загорский заметил, что у соседнего борта стоит Солдатов. Штабс-капитан стоял спокойно и никаких знаков не подавал, но Нестор Васильевич понял его неподвижность совершенно правильно. Что матросу, пусть даже и музыканту, делать в такое время на верхней палубе? Его место – внизу, с товарищами.

Коллежский советник, неторопливо фланируя, направился к левому борту. Встал на расстоянии вытянутой руки от Солдатова, почти не размыкая губ, спросил:

– Что-то случилось?

– Я проверил команду парохода, – так же, не шевеля губами, отвечал штабс-капитан. – Один китаец показался мне подозрительным.

– Почему?

Флейтист немного помедлил.

– Сложно сказать определенно. Может быть, потому, что он более суетлив, чем прочие его товарищи. И, кажется, со страхом ждет момента, когда мы сойдем на берег.

Загорский думал недолго, потом велел Солдатову не спускать глаз с подозрительного китайца. Если тот сойдет на берег, незаметно проследить за ним.

– Как – проследить? – удивился штабс-капитан. – Я же не могу просто так сойти на берег. А если репетиция?

---

⁷ То есть обращают других в свою веру.

– Если я буду на борту в этот момент, скажете мне – я сам за ним пойду. Если меня не будет, просто уйдете в самоволку, у командования вы наверняка на особом счету, за вас заступятся.

Солдатов ничего не сказал, но лишь отошел в сторону. Загорский лишний раз подумал, как все-таки удобно работать вдвоем. Не было бы Солдатова, пришлось бы ему самому рыскать по пароходу и якшаться с китайцами, пытаться что-то выяснить. Два человека – это, как говорят британцы, команда, один другого всегда прикроет. Может быть, напрасно он в этот раз не взял с собой Ганцалина? В конце концов, его можно было выдать за китайского слугу – то есть за того, кем он на самом деле и является.

* * *

С другой стороны, мог ли он вообще взять Ганцалина? Когда Загорский сообщил помощнику, что отправляется в Китай один, в глазах китайца блеснула ярость.

– Как это – один? – прорычал помощник. – Почему один? Я не отпущу господина одного.

– Как хочешь, – с напускным безразличием сказал Загорский. – Только, во-первых, кроме Китая придется поехать еще и в Японию...

Ганцалин поморщился: а во-вторых?

– Во-вторых, надо будет лететь до Гонконга на воздушном шаре.

Помощник переменился в лице и больше к этой скользкой теме не возвращался. Коллежский советник знал о его панической боязни высоты, а Ганцалин знал, что он об этом знает. Видимо, поэтому китаец надулся и до выхода хозяина из дома не желал с ним разговаривать, полагая, что тот специально подстроил полет на аэростате, чтобы не брать с собой его, Ганцалина.

Теперь Загорский стоял за восемь тысяч верст от Петербурга и смотрел, как на речной волне качаются сплетенные из тростника плавучие дома, в которых копошились чумазные дети. Были ли это пришлые племена вроде народности шуэй – разновидность китайских водных цыган – или на лодки перебрались здешние парии, которым не находилось уже места для жизни на твердой земле, Загорский сказать не мог. С некоторым страхом наблюдал он за маленькими детьми, которые в любой момент могли оступиться, упасть в воду и стать жертвой прожорливой речной стихии. Впрочем, матери, кажется, заботились об их безопасности – каждому китайскому дитяте привязывали к туловищу куски дерева, которые могли бы держать ребенка на поверхности, пока крепкие их мамы, орудовавшие веслами на корме, не выловят своих отпрысков из воды.

Около четырех часов вечера пароход наконец причалил к пристани. Китайские военные суда, стоящие тут же, салютовали приветственными залпами. Загремела музыка, которая любому иностранцу показалась бы дикой и насилующей ухо, но соскучившийся по Китаю Нестор Васильевич воспринял ее, как звуки райских арф.

На причале теснились толпы черноголовых желтолицых китайцев, для иностранца – все на одно лицо. Однако коллежский советник мог не только выделить тут индивидуальные черты, но и родовые особенности тех или иных малых племен, во множестве заселяющих Поднебесную вместе с главной китайской народностью – хань. Никакой вражды эта толпа не выказывала и вела себя гораздо более смирно, чем подобная же толпа в любой из европейских стран.

Тем временем телохранители проложили в толпе дорогу процессии генерал-губернатора Ли Хунчжана. Сей могущественный китайский чиновник поднялся на борт парохода, поддерживаемый с двух сторон своей свитой. Для разговора его с цесаревичем были призваны оба драгомана – Вахович-Загорский и Покотиллов. Беседа проходила в обстановке традиционной китайской церемонности, которую безуспешно пытался развеять наследник – но ритуал есть

ритуал. Ситуация немного разрядилась, только когда подали вино и сладости: китайская делегация истолковала это как окончание официальной части.

Спустя некоторое время генерал-губернатор, совершенно удовлетворенный, покинул «Речную ширь». Перед тем, как спуститься на берег, он обратил свой взгляд на Нестора Васильевича и что-то спросил у него по-китайски. Загорский в ответ сложил руки перед грудью и слегка поклонился китайскому вельможе.

– Что он ему сказал? – негромко спросил князь Ухтомский у Покотилова.

Покотиллов несколько секунд играл желваками, потом нехотя произнес.

– Он сказал: «Вы подлинный знаток Китая».

– А что тот ответил? – не унимался князь.

– Что-то вроде: «Не заслуживаю столь высокой аттестации».

С этими словами недовольный Покотиллов откланялся. Спустя пару минут он несколько нерешительно приблизился к Загорскому, который, стоя у борта парохода, с интересом глядел, как удаляется прочь процессия генерал-губернатора.

Нестор Васильевич слегка покосился на коллегу, но ничего не сказал. По лицу его никак нельзя было определить его настроения – оно казалось строгим, но безмятежным, как это бывает у китайских архатов, вот только черты этого архата были самые что ни на есть европейские.

– Интересный старик, – откашлявшись, проговорил Покотиллов, имея в виду Ли Хунчжана.

Загорский кивнул: да, интересный. А еще очень умный и хитрый. Покотиллов согласился: это верно. Не умный и не хитрый не поднялся бы на такие высоты в китайской иерархии. Бывает, кому-то высокий чин достается только за родственные связи. Но генерал-губернатор – пост практический. Здесь никто за него его работу не сделает.

Загорский, по-прежнему не глядя в сторону собеседника, слегка улыбнулся, кажется, соглашаясь с умозаключениями более молодого коллеги. Тут Покотиллов набрался храбрости и сказал:

– Вы меня простите великодушно, господин Загорский... – тут он испуганно сбился и быстро проговорил: – Я хотел сказать, господин Вахович, то есть, вы понимаете... Я был бестактен и груб. Я сожалею о своем поведении.

Нестор Васильевич повернулся к нему. В глазах его плясали чертики. Сбитый с толку Покотиллов умолк.

– Ей-богу, не стоит об этом, – весело сказал коллежский советник. – Я уже обо всем забыл. Тем более что я понимаю вас, как никто другой. Китайский язык, который мы избрали своей профессией – дело настолько сложное и тонкое, что любой синолог испытывает к коллегам вполне понятное недоверие и ревность. Я и сам иногда гляжу на какого-нибудь тридцатилетнего юношу и думаю: да что он может понимать в китайском языке и китайской культуре? Ведь он наверняка иероглиф «ли» от иероглифа «цзю» не отличает.

И Загорский засмеялся так непосредственно и открыто, что смущенный Покотиллов не смог удержаться и присоединился к нему...

* * *

Вскоре после того, как Ли Хунчжан покинул пароход, колеса его заработали, он поднялся несколько выше по течению и причалил возле острова Шамянь. Остров этот был своего рода выделенной резиденцией для европейцев, не желавших жить в гуще китайских туземцев. С остальной частью города остров соединялся двумя каменными мостами. На мостах этих имелись ворота, которые закрывались по ночам, преграждая на остров всякий доступ – причем не только для китайцев, но и для иностранцев тоже.

Примерно через полчаса после того, как «Речная ширь» причалил к Шамяню, Загорского отыскал штабс-капитан Солдатов. Оказалось, подозрительный китаец из пароходной команды – а его звали Сунь Вэй – воспользовался суматохой, которая воцарилась по прибытии генерал-губернатора, и ускользнул на берег. Штабс-капитан последовал за ним. Чтобы не быть заметным в азиатской толпе, он заранее приготовил себе простую китайскую одежду и обзавелся конусообразной соломенной шляпой, которую носят на юге Китая. Шляпа эта полностью скрывала его лицо, и понять, что это европеец, можно было, только специально под нее заглянув.

Сунь Вэй дошел почти до центра города, потом занырнул в небольшую харчевню. Штабс-капитан последовал за ним. К счастью, харчевня была забита народом, так что на него никто не обратил внимания. Ему удалось сесть неподалеку от столика, где сидел Сунь Вэй. Спустя пару минут к тому подсел другой китаец, и началась какая-то негромкая беседа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.